

Immediate

77

SECRET 00011902 JAN 77

CITE MOSCOW

TO: IMMEDIATE

1. AT 1800 HRS 12 JANUARY AT DIPLOMATIC GAS S
 MALE (SUBJ) APPROACHED [REDACTED] AND SAID IN ENGLI
 [REDACTED] "I WOULD LIKE TO TALK TO YOU."
 ANSWERED THAT YES [REDACTED] THAT IT WO
 TO TALK THERE AND ASKED WHAT HE WANTED. SUBJ QU
 IT WOULD BE DIFFICULT? (AS IF HE EXPECTED [REDACTED]
 AND THEN SWITCHING TO RUSSIAN SAID: "EXCUSE ME"
 INTO [REDACTED] CAR AND PUT A FOLDED PIECE OF PAP

Дэвид Э. Хоффман

ШПИОН НА МИЛЛИАРД ДОЛЛАРОВ

История самой дерзкой операции американских спецслужб в Советском Союзе

SIDE STREET. BODY AT STATION PAID

SUBJ [REDACTED] NOTICED NO ONE FOL

Хоффман блестяще описал профессиональную кухню разведки и психологию человека, вовлеченного в шпионаж.

THE NEW YORKER

CoRpus

Разведкорпус

Дэвид Э. Хоффман

**Шпион на миллиард долларов.
История самой дерзкой
операции американских
спецслужб в Советском Союзе**

«Corpus (ACT)»

2015

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хоффман Д.

Шпион на миллиард долларов. История самой дерзкой операции американских спецслужб в Советском Союзе / Д. Хоффман — «Corpus (ACT)», 2015 — (Разведкорпус)

ISBN 978-5-17-982994-2

Рассказ об Адольфе Толкачеве, самом успешном и ценном агенте Соединенных Штатов в СССР, – это история из эпохи холодной войны. Инженер и конструктор Толкачев не состоял в КПСС, не служил в армии или спецслужбе. Он не стремился к обогащению и не хотел уезжать из страны. Он никогда не был за границей и почти ничего не знал о Соединенных Штатах. Толкачев сам предложил свои услуги Центральному разведывательному управлению и за несколько лет шпионской деятельности передал Соединенным Штатам тысячи страниц ценнейшей секретной документации. Его разоблачение не было результатом ошибки московской резидентуры или хитроумной операции КГБ – его предал бывший сотрудник ЦРУ.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-982994-2

© Хоффман Д., 2015
© Corpus (ACT), 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56
Комментарии	

Дэвид Э. Хоффман

Шпион на миллиард долларов. История самой дерзкой операции американских спецслужб в Советском Союзе

Посвящается Кэрл

Все, чем мы занимаемся, опасно.

Адольф Толкачев – своему куратору из ЦРУ. 11 октября 1984 года

David E. Hoffman

The Billion Dollar Spy

A True Story of Cold War Espionage and Betrayal

© David E. Hoffman, 2015

© А. Шириков, перевод на русский язык, 2016

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Издательство CORPUS ®

Пролог

Шпион испарился.

Это был самый успешный и ценный агент Соединенных Штатов в Советском Союзе за два десятилетия. Переданные им документы и рисунки раскрывали секреты советских радиолокационных станций и важнейшие планы по разработке комплексов вооружений на десяток лет вперед. Он страшно рисковал, чтобы вынести печатные платы и чертежи из своей военной лаборатории и передать их ЦРУ. Его шпионская деятельность помогла Соединенным Штатам занять доминирующие позиции в небе, в воздушных боях, и подтвердила уязвимость советской системы ПВО – американские крылатые ракеты и бомбардировщики могли летать вне поля зрения советских радаров.

В конце осени – начале зимы 1982 года ЦРУ потеряло контакт со своим агентом. Он пропустил пять назначенных встреч. Прошло несколько месяцев. В октябре плановая встреча с ним не состоялась из-за плотного наружного наблюдения КГБ. Даже глубоко законспирированные сотрудники московской резидентуры ЦРУ, о которых КГБ не знал, не смогли оторваться от слежки. 24 ноября один из них, в легком гриме, сумел позвонить домой шпиону из телефона-автомата, но на звонок ответил кто-то другой. Офицер повесил трубку.

Вечером 7 декабря, когда была запланирована еще одна встреча, будущее операции находилось в руках Билла Планкерта. Прежде он служил летчиком на флоте, а затем прошел подготовку по ведению тайных операций в тылу противника. Ему было за тридцать, рост метр девяносто, и он прибыл в московскую резидентуру ЦРУ летом, чтобы ознакомиться с обязанностями куратора. Он погрузился в изучение документов, рассматривал карты и фотографии, читал шифрограммы и разговаривал с оперативниками. Ему казалось, что он уже хорошо знает шпиона, хотя никогда не встречался с ним лично. Задачей Планкерта было уйти от слежки КГБ и установить контакт с источником.

За несколько дней до того американские дипломаты по местной телефонной линии, которую, как было известно, прослушивал КГБ, сговорились отпраздновать день рождения на одной квартире во вторник после работы. Вечером в назначенный час четыре человека направились к автомобилю, стоявшему на парковке посольства США. За этим местом постоянно наблюдали милиционеры в форме, дежурившие снаружи и докладывавшие обо всем в КГБ. Один из американцев нес большой торт. Когда машина выехала из посольства, женщина, сидевшая позади водителя, поставила торт себе на колени.

Машиной управлял шеф резидентуры ЦРУ, Планкерт сидел рядом с ним на переднем сиденье. Сзади разместились их жены. Все четверо заранее отрепетировали операцию на креслах в резидентуре. Теперь начиналось собственно представление^[1].

Шпионаж – искусство иллюзий, и тем вечером в роли иллюзиониста выступал Планкерт. Под пальто на нем была другая одежда, похожая на ту, какую носят в России пожилые люди. Торт был фальшивкой: верхушка, напоминавшая торт, скрывала устройство, созданное техническими гениями из ЦРУ. Планкерт надеялся, что благодаря этому устройству ускользнет от наблюдения КГБ.

Устройство именовалось “Джек из коробочки”, но все называли его просто ЛВ¹. Из многолетнего опыта ЦРУ вывело, что группы наружного наблюдения КГБ почти всегда следовали за автомобилем сзади. Они редко ехали рядом. Поэтому машина с агентом ЦРУ могла, завернув один или два раза за угол, на несколько мгновений оказаться вне поля зрения КГБ. За это короткое время оперативник ЦРУ мог выпрыгнуть из автомобиля и скрыться.

---

¹ Сокращение от Jack in the box. Более привычный русский эквивалент – “черт из табакерки”. – Прим. пер.

Одновременно приводилась в действие пружина, выбрасывавшая “Джека из коробочки”, который очертаниями напоминал голову и плечи выскочившего агента.

В ходе работы над устройством ЦРУ направило двух молодых инженеров из департамента технического обслуживания в секс-шоп в злочном районе Вашингтона. В этом глухом помещении они купили трех надувных кукол в натуральную величину. Однако кукол невозможно было быстро ни накачать, ни спустить из них воздух. Кроме того, они сдувались. Молодые инженеры вернулись в магазин за новыми тестовыми образцами, однако проблемы оставались. Затем в ЦРУ поняли, что, учитывая расстояние между машиной и группой наблюдения КГБ, нет нужды размещать на переднем сиденье трехмерный манекен, достаточно плоского силуэта. Иллюзия восторжествовала, и “Джек из коробочки” появился на свет^[2].

До того дня устройство ни разу не использовали в Москве, но сотрудники ЦРУ были близки к отчаянию: шла неделя за неделей, а связи с агентом не было. Из штаб-квартиры в Москву приехал эксперт по маскировке, чтобы помочь освоить устройство и выдать Планкерт “стерильную” одежду, прежде никем не ношенную: на ней не было ни запахов, которые могли учуять служебные собаки КГБ, ни вмонтированных отслеживающих и подслушивающих устройств.

Пока машина колесила по московским дорогам, Планкерт снял американскую верхнюю одежду и сложил ее в небольшую хозяйственную сумку, вроде тех, с какими ходят советские люди. Полнолицевая маска и очки довершили маскировку, сделав его похожим на русского старика. Группа КГБ следовала за ними на расстоянии. Было семь вечера, солнце уже давно зашло.

Машина повернула за угол и на краткий миг скрылась из виду. Шеф резидентуры приостановил автомобиль ручным тормозом, чтобы не включились задние огни. Планкерт распахнул дверцу и выскочил. В то же мгновение жена резидента поставила торт на переднее сиденье, где до этого ехал Планкерт. Супруга Планкерта потянулась вперед и нажала на рычаг.

С громким хлопком верхняя часть торта раскрылась, выбросив наружу голову и торс. Машина помчалась дальше.

Планкерт успел сделать четыре шага по тротуару. На пятом шаге из-за угла выехал автомобиль КГБ.

Фары выхватили русского старика на тротуаре. Затем машина набрала скорость, догоняя преследуемых. В автомобиле ЦРУ, казалось, по-прежнему едут четыре человека. С помощью небольшого рычажка резидент двигал голову “Джека из коробочки” взад-вперед, как будто они болтали друг с другом.

Устройство сработало.

Планкерт на мгновение почувствовал облегчение. Но в ближайшие несколько часов предстояло самое сложное. Агент имел чрезвычайную ценность не только для московской резидентуры, но и в целом для ЦРУ и Соединенных Штатов. Планкерт чувствовал, какая громадная ответственность лежит на нем. Одна небольшая ошибка – и операция будет провалена навсегда, а шпиона ждет казнь за измену.

В ЦРУ никто не знал, почему шпион пропал. Может, он оказался под подозрением? Он был не профессиональным разведчиком, а обычным инженером. Может, он ошибся, допустил какую-то небрежность? А может, его арестовали, допросили и его предательство раскрыто?

Планкерт в одиночестве шел по московским улицам, вокруг был холодный город – обледенелые тротуары, заиндевевшие окна. Он думал, что обстановка просто идеальная для шпионской операции. Планкерт часто разговаривал сам с собой. У него, практикующего

католика, была привычка вслух произносить короткую молитву. Сейчас, когда он выдыхал под маской, его очки запотевали. В какой-то момент Планкерт остановился, снял маску и надел другую, более легкую. Он двигался к месту встречи по круговому маршруту, пересаживаясь с троллейбусов на автобусы. Так он проверял, нет ли за ним слежки, но никого не было.

Планкерт должен был найти шпиона. Он не мог потерпеть неудачу.

Глава 1

Выбраться из “пустыни зеркал”

Впервые годы холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом у Центрального разведывательного управления имелся неприятный секрет: ЦРУ не удалось создать шпионскую сеть в Москве. Управление не вербовало людей в Москве, так как это было слишком рискованно – “чрезвычайно опасно”, вспоминал один офицер, – для любого советского гражданина или чиновника, которого можно было привлечь в качестве агента. Сам процесс вербовки, с момента определения потенциального шпиона и организации подхода к нему, мог быть раскрыт КГБ, а пойманного за шпионской работой агента ждала верная смерть. Некоторые агенты, вызвавшиеся работать добровольно или завербованные ЦРУ за пределами СССР, продолжали отправлять донесения по возвращении на родину. Но, как правило, ЦРУ не подстрекало агентов шпионить в самом “сердце тьмы”.

Перед вами история шпионской операции, которая изменила все. В центре этой истории – инженер из сверхсекретной лаборатории, специалист по бортовым РЛС, работавший в недрах советского оборонного комплекса. Движимый гневом и жаждой мести, этот человек передал Соединенным Штатам тысячи страниц секретной документации, ни разу при этом не побывав в Америке и почти ничего не зная о ней. За шесть лет он двадцать один раз встречался с сотрудниками ЦРУ на улицах Москвы – города, кишевшего группами наблюдения КГБ, – и ни разу не был замечен последними. Этот инженер стал одним из самых продуктивных агентов ЦРУ в годы холодной войны. Он обеспечил Соединенные Штаты такими разведанными, каких не поставлял ни один другой шпион.

Эта операция стала для ЦРУ признаком зрелости. Управление добилось того, что прежде считалось недостижимым: личных встреч со шпионом прямо под носом у КГБ.

А затем наступил полный крах – и не благодаря усилиям КГБ, а в результате предательства изнутри.

Чтобы понять значимость этой операции, следует вспомнить о долгой и трудной истории попыток ЦРУ внедриться в Советский Союз.

ЦРУ возникло вследствие катастрофы в Перл-Харборе. Несмотря на полученные Соединенными Штатами предупреждения, атака Японии 7 декабря 1941 года оказалась неожиданной и ошеломляющей. Тогда погибли более 2400 американцев, было потоплено или повреждено 21 судно Тихоокеанского флота США, и Соединенные Штаты оказались втянуты в войну. Разведывательная работа тогда была распределена между несколькими разными ведомствами, и никто не соединял разрозненные фрагменты в общую картину. Расследование конгресса пришло к выводу, что этот несогласованный процесс “в значительной степени и был виной” катастрофы. Создание ЦРУ в 1947 году прежде всего отражало твердое намерение конгресса и президента Трумэна предотвратить повторение Перл-Харбора. Трумэн хотел, чтобы ЦРУ проводило качественный, объективный анализ^[3].

Оно должно было стать первым централизованным гражданским разведывательным ведомством в американской истории^[4].

Но первоначальные виды на ЦРУ вскоре изменились ввиду растущей советской угрозы, которая выражалась в том числе в блокаде Берлина, в усилении сталинского контроля над Восточной Европой и в появлении атомной бомбы в СССР. Вскоре ЦРУ вышло далеко за рамки анализа разведанных: управление стало заниматься шпионажем и тайными операциями. Соединенные Штаты, проводя политику сдерживания, первоначально сформу-

лированную в “длинной телеграмме” Джорджа Кеннана из Москвы в 1946 году², а затем значительно расширенную, пытались остановить попытки СССР внедриться в правительства других стран и вести там подрывную деятельность. Холодная война началась как соперничество за опустошенную войной Европу, но затем распространилась на все сферы, превратившись в столкновение идеологий, политик, культур, экономик, географии и военной мощи. ЦРУ находилось на переднем фронте в этой битве. Борьба с коммунизмом не переросла в прямые боевые действия между сверхдержавами. Она велась в тени, между войной и миром, в “глухих переулках”, как однажды выразился госсекретарь Дин Раск^[5].

Но в одно из таких глухих мест заходить было слишком опасно – в сам Советский Союз. Сталин был убежден, что победа над нацистами во Второй мировой войне продемонстрировала неизбежность советского государства. После войны он твердо и сознательно укреплял жесткую, закрытую политическую систему, которую усовершенствовал еще в 1930-х, создавая постоянное напряжение в обществе, ведя непрестанную борьбу с “врагами народа”, “шпионами”, “колеблющимися”, “космополитами” и “выродками”. Запрещалось получать книги из-за рубежа или слушать иностранные радиопередачи. Путешествия за границу для большинства людей были практически невозможны, а контакты с иностранцами, без особого на то разрешения, сурово карались. Телефоны прослушивались, почта вскрывалась, информаторы всячески поощрялись. Тайная полиция работала на каждом заводе и в каждом учреждении. Было опасно высказываться откровенно, даже в узком кругу близких людей^[6].

Это была крайне неблагоприятная среда для шпионажа. В первые годы холодной войны у ЦРУ не было резидентуры в Москве, его оперативники не работали на улицах столицы крупнейшего и самого скрытного партийного государства. ЦРУ не могло выявить и завербовать в СССР потенциальных агентов, как оно делало в других странах. Советская тайная полиция, с 1954 года получившая название КГБ (Комитет государственной безопасности), была искусенной, компетентной, всемогущей и безжалостной. К началу 1950-х у КГБ за плечами был уже тридцатилетний опыт сталинских чисток, нейтрализации угроз советскому режиму во время и после войны, кражи атомных секретов у США. Иностранцу было невозможно даже завести разговор с москвичом, не вызывая подозрения.

ЦРУ только-только пробовало себя в деле. Это была молодая, оптимистично настроенная, наивная организация, твердо намеренная добиться результата, – настоящее воплощение американского духа^[7]. В 1954 году один из пионеров авиации генерал Джеймс Дулиттл предупредил, что Соединенным Штатам нужно мыслить более трезво и хладнокровно. “Мы должны создать эффективные службы шпионажа и контрразведки, должны научиться вести подрывную деятельность и саботаж, уничтожать наших врагов более умными, более изощренными и более действенными методами, чем те, что применяются против нас”, – утверждал он в совершенно секретном докладе президенту Эйзенхауэру^[8].

ЦРУ сталкивалось с постоянным и острым дефицитом разведанных о Советском Союзе и его сателлитах. Политики в Вашингтоне были чрезвычайно обеспокоены возможной войной в Европе и необходимостью знать о ней заблаговременно. Много информации было доступно в открытых источниках, но это было не то же самое, что подлинные разведанные, полученные путем проникновения в страну. “Давление на нас варьировалось от повторяющихся указаний сделать “хоть что-то” до раздраженных требований сделать “все что угодно”, – вспоминал Ричард Хелмс, отвечавший за тайные операции в 1950-х^[9].

---

² Джордж Кеннан – в 1945–1946 годах советник посольства США в СССР, в 1952 году посол США в СССР. Зимой 1946 года в ответ на просьбу американского казначейства объяснить, почему Советский Союз не поддержал создание Всемирного банка и Международного валютного фонда, он составил “длинную телеграмму”, в которой проанализировал отношения США и СССР и их перспективы. Вскоре анализ Кеннана не только получил распространение, но фактически лег в основу политики США на советском направлении. – *Прим. пер.*

За пределами Советского Союза ЦРУ старательно собирало информацию у беженцев, перебежчиков и эмигрантов. Управление обращалось с предложениями о сотрудничестве к советским дипломатам, военным и сотрудникам разведки по всему миру. Подразделение тайных операций ЦРУ завербовало целую секретную армию в лагерях беженцев в Европе. Порядка пяти тысяч добровольцев прошли подготовку в качестве “постыдерных сил сопротивления”, которые должны были вторгнуться в Советский Союз после атомного нападения. Параллельно Соединенные Штаты забрасывали парашютистов-одиночек в страны советского блока, чтобы те шпионили или налаживали связи с движениями сопротивления. Большинство из них были пойманы и убиты. Глава управления тайных операций Фрэнк Дж. Уиснер мечтал о том, чтобы внедриться в Восточный блок и расколоть его на части. Уиснер надеялся, что посредством психологической войны и секретной помощи – тайников с оружием, радиостанций, пропаганды – народы Восточной Европы можно убедить сбросить коммунистическое иго. Но почти все эти попытки скрытно пробраться “за линию фронта” оборачивались провалом. Полученные разведанные были скудными, и Советский Союз оставался незыблем^[10].

Источники ЦРУ оставались снаружи. “Единственным способом выполнить нашу миссию была разработка внутренних источников – шпионов, которые могли сидеть рядом с политиками, слушать их дебаты и читать их почту”, – вспоминал Хелмс. Но вербовка и систематическая работа с московскими агентами, которые могли бы предупреждать о решениях, принятых советским руководством, “были столь же невероятны, как размещение постоянных агентов на Марсе”, – говорил он^[11]. обстоятельный анализ разведанных ЦРУ по советскому блоку, проведенный в 1953 году, заканчивался мрачными выводами. “У нас нет никаких надежных первоисточников, сообщающих о том, что думают в Кремле”, – признавали его авторы. По поводу армии в докладе говорилось: “Надежных данных о долгосрочных планах и намерениях врага практически не существует”. Авторы предупреждали: “Мы не можем надеяться на получение сколько-нибудь детальной информации о советских военных намерениях в случае неожиданного нападения”^[12]. В первые годы своей работы ЦРУ пришло к выводу, что “невероятно трудно создать агентурную сеть в сталинском параноидальном полицейском государстве”^[13].

“В те дни, – говорил Хелмс, – наша информация по Советскому Союзу действительно была крайне скудной”^[14].

Несмотря на все эти трудности, ЦРУ удалось добиться двух прорывов в 1950-х и в начале 1960-х годов. Два офицера советской военной разведки, Петр Попов и Олег Пеньковский, начали шпионить для США. Они были добровольцами, а не завербованными агентами, и вышли с этой инициативой отдельно друг от друга. Оба продемонстрировали колоссальные преимущества работы с тайными агентами. В основном передача секретов происходила за пределами Москвы.

1 января 1953 года невысокий, коренастый русский передал конверт американскому дипломату, когда тот садился в свой автомобиль в международном секторе в Вене. Тогда Вена была оккупирована американскими, британскими, французскими и советскими силами; в городе царил атмосфера подозрительности. В конверте содержалось письмо, датированное 28 декабря 1952 года и написанное по-русски. В нем говорилось: “Я советский офицер. Я хочу встретиться с американским офицером, чтобы предложить определенные услуги”. В письме оговаривались место и время встречи. Такие письма были обычным явлением в Вене в те годы, когда орды мошенников пытались заработать, фабрикуя “разведывательные материалы”. ЦРУ тратило много времени на их проверку, но это письмо выглядело убедительно.

На следующий вечер, в субботу, русский ждал там, где обещал, – он стоял в тени портала, один, в шляпе и в тяжелом пальто. Это был Петр Попов, 29-летний майор советской

военной разведки – Главного разведывательного управления, которое можно было назвать “младшим братом” КГБ. Попов стал первым и в то время самым ценным тайным агентом ЦРУ в советской армии. Он поставлял данные о внутреннем устройстве армии и спецслужб СССР. С января 1953 по август 1955 года он 66 раз встречался с представителями ЦРУ в Вене. Его куратор из ЦРУ, Джордж Кизевальтер, похожий на взъерошенного медведя, родился в России, в семье крупного петербургского чиновника, и в детстве эмигрировал в Соединенные Штаты. Впоследствии Попов рассказал Кизевальтеру, что родился в крестьянской семье, в лачуге с земляным полом, и что первые кожаные ботинки у него появились в тринадцать лет. В нем клокотала ненависть к сталинской политике насильственной коллективизации, разрушившей жизнь российского крестьянства и вызвавшей массовый голод. Попов стал агентом США из желания отомстить за несправедливость, постигшую его родителей и его маленькую деревеньку на Волге. Кизевальтер оставлял в венской конспиративной квартире несколько журналов вроде *Life* и *Look*³, но Попова увлекло лишь одно издание – журнал “Американская ферма”^[15].

В ЦРУ помогли Попову подделать ключ, с помощью которого он вскрыл шкафчики с засекреченными документами в венской резидентуре ГРУ. Попов выявил всех офицеров советской разведки в Вене, предоставил информацию о деятельности многих подразделений из стран Варшавского договора и передал Кизевальтеру такие бесценные документы, как советский боевой устав по применению атомного оружия^[16]. В 1955 году, когда Попова перевели в Москву, из штаб-квартиры ЦРУ прислали агента, который должен был найти места для тайников или закладок, где Попов мог бы оставлять сообщения. Но агент не справился с поручением, попал в “медовую ловушку”⁴ КГБ, и впоследствии от него избавились^[17]. Первая попытка ЦРУ организовать аванпост в Москве закончилась неудачей.

В 1956 году Попова перевели в ГДР, где он продолжил заниматься шпионажем для ЦРУ. С Кизевальтером они встречались на конспиративной квартире в Западном Берлине. Он вновь проявил себя как чрезвычайно эффективный агент. Среди добытых им материалов был текст весьма откровенной речи советского министра обороны маршала Георгия Жукова по поводу применения ядерного оружия во время войны, с которой тот выступил перед советскими войсками в Германии в марте 1957 года. В 1958 году Попова срочно отозвали в Москву и допросили. Его предательство вскрылось. Однако КГБ держал это в тайне: периодически Попова использовали для передачи ЦРУ недостоверной информации. 18 сентября 1959 года Попову удалось передать ЦРУ сообщение, написанное карандашом на восьми полосках бумаги, скрученных в цилиндрик размером с сигарету. Записка объясняла, что на самом деле произошло; это был последний храбрый акт неповиновения со стороны обреченного шпиона. Сообщение поспешно доставили в штаб-квартиру, где Кизевальтер прочел русские слова на крошечных полосках бумаги и разрыдался. В январе 1960 года Попова судили, а в июне расстреляли.

Второй прорыв случился всего два месяца спустя, 12 августа, примерно в 11 вечера.

Два американских студента, прибывшие в Москву как туристы, Элдон Кокс и Генри Кобб, гуляли по Красной площади, где брусчатка была еще влажной после легкого дождя. Они побывали на балете в Большом театре и возвращались в свою гостиницу, когда сзади к ним подошел человек и потянул Кобба за рукав, показывая сигарету и прося огонька. Человек был среднего роста, с рыжеватыми волосами, седеющими на висках, в костюме с галстуком. Он спросил, не американцы ли они, и, когда те ответили “да”, начал быстро говорить, все время оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что за ними не следят. Он вложил в руку Кокса конверт и настоятельно попросил немедленно отнести его в американ-

---

³ Американские журналы, рассчитанные на широкого читателя и уделявшие много места фоторепортажам. – Прим. пер.

⁴ Прием вербовки, использующий сексуальную связь для шантажа. – Прим. пер.

ское посольство. Кокс, говоривший по-русски, в тот же вечер конверт отнес. Внутри было письмо. «В настоящее время в моем распоряжении, – указывал автор письма, – находятся очень важные документы по многим вопросам, представляющим исключительный интерес для вашего правительства». Автор не назвался, но намекнул, что когда-то служил в советской военной разведке в турецкой столице Анкара. Он привел точные инструкции о том, как с ним связываться – с помощью записок в спичечном коробке, спрятанном за батареей в вестибюле одного московского здания. Он приложил рисунок с местом тайника^[18].

Автором письма был Олег Пеньковский, полковник ГРУ, человек с живым воображением, энергичный и уверенный в себе, награжденный за службу в артиллерии во время Второй мировой войны. Он работал в Государственном научно-техническом комитете Совета министров СССР – ведомстве, которое курировало научно-технический обмен с Соединенными Штатами, Великобританией и Канадой и служило прикрытием для советского промышленного шпионажа и нелегального получения западных технологий.

Письмо было доставлено в ЦРУ и поначалу вызвало подозрения. Там знали, что советские власти были глубоко обеспокоены случаем с Поповым. Может, это ловушка? В штаб-квартире приняли решение вступить в контакт с автором, но в то время у ЦРУ не было в Москве оперативника, ориентированного в городе. Посол США в Москве Льюэллин Томпсон категорически возражал против назначения в посольство каких-либо сотрудников ЦРУ. В конце концов осенью 1960 года было достигнуто соглашение, что из «советского» подразделения штаб-квартиры в Москву отправят молодого сотрудника специально для контакта с Пеньковским. Сотрудник не слишком хорошо говорил по-русски. ЦРУ присвоило ему кодовое имя «Компас». Но он все провалил – много выпивал и не смог установить контакт^[19].

Пеньковский был разочарован. Первое письмо американцам он написал в июле 1960 года и несколько недель искал человека, с которым можно было его отправить. «Я, словно волк, рыскал вокруг американского посольства в поисках надежного иностранца, патриота», – вспоминал он^[20]. Вручив письмо Коксу на Красной площади в августе, Пеньковский все ждал и ждал ответа от ЦРУ. Но ответа не было. Он попытался – безуспешно – передать информацию через британского бизнесмена, затем через канадца. Его охватывало отчаяние.

Наконец 11 апреля 1961 года Пеньковский подкинул британскому бизнесмену письмо, адресованное руководителям Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. Бизнесмен Гревилл Винн поделился письмом с британской Секретной разведывательной службой (МИ-6), которая передала его в ЦРУ. Американские и британские спецслужбы решили совместно разрабатывать Пеньковского как агента.

Девять дней спустя Пеньковский прибыл в Лондон во главе советской торговой делегации из шести человек, чьей задачей была закупка западных технологий в области металлургии, радаров, коммуникаций и производства бетона. Это было напряженное время – только что провалилась организованная ЦРУ высадка в заливе Свиней на Кубе⁵. По прибытии Винн встретил Пеньковского в аэропорту, и тот немедленно вручил ему конверт. В нем были описания и чертежи новейших советских ракет и пусковых установок. Тем же вечером Пеньковский вышел из своего номера в солидной гостинице *Mount Royal* на Оксфорд-стрит, дошел до номера 360 и постучал в дверь. На нем был деловой костюм, белая рубашка и галстук. Когда он вошел, его поприветствовали два британских и два американских агента. «Теперь вы знаете, что вы в хороших руках», – заверил Пеньковского взъерошенный грузный американец. Это был Кизевальтер. «Я думал об этом уже давно», – ответил Пеньковский.

---

⁵ Операция, имевшая целью свержение правительства Фиделя Кастро, проводилась 17–19 апреля 1961 года и закончилась полным поражением американской десантной бригады, высадившейся на острове, и ее местных союзников. – *Прим. пер.*

Во время следующих бесед Пеньковский рассказал американским и британским агентам, что его карьера в советской разведке рухнула и он был обозлен. Его отец умер, когда ему было всего четыре месяца. Мать говорила, что тот умер от тифа. Но год назад обнаружили документы, из которых следовало, что отец служил поручиком в белой армии и сражался с большевиками, что поставило лояльность Пеньковского под сомнение. Его обвинили в том, что он скрыл эту информацию. Назначение в Индию не состоялось, его отодвинули в сторону. Он возненавидел КГБ.

Во время двух продолжительных поездок в Лондон, сначала в апреле-мае, затем в июле-августе, и во время визита в Париж в сентябре-октябре 1961 года Пеньковский провел с сотрудниками британской и американской разведок 140 часов в прокуренных гостиничных номерах. Расшифровки разговоров заняли 1200 страниц. Он также доставил 111 катушек отснятой фотопленки. С помощью крохотной фотокамеры *Minox* он отснял в Москве больше 5000 страниц секретных документов, почти все они касались советских вооруженных сил и были взяты из библиотек военных учреждений и ГРУ. Пеньковский был азартен и охотно шел на риск. Однажды он заснял совершенно секретный доклад прямо на столе полковника, который ненадолго вышел из кабинета.

Не все беседы с американскими и британскими агентами проходили гладко. На одной из первых встреч в гостинице *Mount Royal* Пеньковский представил диковинный план захвата Москвы и всего советского руководства. Он хотел разместить в Москве 29 маленьких ядерных зарядов, распределив их случайным образом в разных местах города в чемоданах или мусорных баках. Соединенные Штаты должны были предоставить заряды, проинструктировать его, как приваривать их ко дну мусорного бака, и выдать ему детонатор. С немалым трудом его удалось отговорить от этой затеи^[21].

Однако Пеньковский относился к своей разведывательной миссии серьезно и продемонстрировал ЦРУ, что один-единственный тайный агент может предоставить огромное количество материала. Когда его спросили, может ли он добыть экземпляры журнала советского генштаба «Военная мысль», и попросили отыскать его секретную версию, Пеньковский уточнил, не хочет ли ЦРУ получить и совершенно секретный вариант. В ЦРУ не знали, что такой вообще существует. Пеньковский предоставил экземпляры почти всех номеров журнала, где советские генералы обсуждали концепцию войны в ядерную эпоху^[22]. В его докладах содержались критически важные соображения о намерениях СССР во время блокады Берлина 1961 года. Он первым сообщил Западу о существовании крайне важной структуры – Военно-промышленной комиссии, принимавшей решения по системам вооружений, – и передал ключевые технические характеристики ракет средней дальности Р-12, которые Советский Союз отправил на Кубу осенью 1962 года (прежде всего дальность ракет и время их подготовки к запуску). Донесения Пеньковского, закодированные как «эвкалипт» и «гаичка», сыграли ключевую роль в принятии решений во время Карибского ракетного кризиса, когда президент Кеннеди дал отпор Хрущеву^[23]. Информация Пеньковского о советских ракетах средней дальности была включена в ежедневный доклад президенту на третьей неделе октября 1962 года. Кроме того, данные Пеньковского вместе с первыми сообщениями со спутника-шпиона *Corona* опровергли миф о том, что СССР выпускает межконтинентальные баллистические ракеты как сосиски, чем хвастался Хрущев. «Отставание в ракетной технике» оказалось вымышленным.

В то время Пеньковский был самым результативным агентом за всю историю операций США в Советском Союзе^[24]. ЦРУ и МИ-6 договорились платить ему одну тысячу долларов в месяц за информацию, стоившую миллионы^[25]. После встреч в гостиницах Лондона и Парижа операция перешла во вторую фазу: Пеньковского стали вести непосредственно в Москве. Британский бизнесмен Винн, периодически бывавший в Советском Союзе, встре-

чался с Пеньковским, получал от него информацию и передавал ее МИ-6. Но Пеньковский жаждал напрямую работать с американской и британской разведками в Москве.

ЦРУ не было к этому готово. Сразу после катастрофы с “Компасом” началась подготовка агента на замену, но в последний момент он отказался, и у ЦРУ в критический момент не было под рукой никого. “У нас там сидел все более отчаивавшийся и очень ценный агент, и некому было контактировать с ним”, – вспоминал сотрудник ЦРУ, который в то время участвовал в операции^[26]. У управления также не было необходимого для этой операции шпионского снаряжения^[27].

Хотя на встречах в Лондоне и Париже главную роль играли американцы, во время операции в Москве на первый план вышли британцы. По словам сотрудника ЦРУ, “МИ-6 смогла сделать то, чего не могли мы, – разработать и выполнить оперативный план прикрытия для этого агента”. Британцы выбрали в качестве куратора Пеньковского Дженет Чизхолм, жену начальника резидентуры МИ-6. Она встречалась с Пеньковским около десятка раз – на приемах и коктейле в британском посольстве, в почти пустой кулинарии при ресторане “Прага”, в комиссионном магазине, в парке и в подъездах жилых домов – и зачастую в трудных условиях, в присутствии троих своих детей. Пеньковский передавал катушки с пленкой в коробке шоколада, предназначенной для детей. Он казался буквально одержимым. В ЦРУ боялись, что он слишком часто встречается с миссис Чизхолм. Когда ЦРУ наконец направило в Москву подготовленного агента для работы с Пеньковским (это было в конце июня 1962 года), работать ему пришлось недолго. В последний раз сотрудники ЦРУ видели Пеньковского на приеме в посольстве США 5 сентября 1962 года, а затем он исчез^[28].

КГБ заподозрил его в измене, в результате чего под наблюдением оказалась и миссис Чизхолм. Сотрудники КГБ просверлили отверстие в потолке однокомнатной квартиры Пеньковского и установили там камеру для слежки за ним. Еще одна камера, размещенная КГБ в соседнем здании, тоже снимала происходящее в его квартире. В ходе обыска была обнаружена камера *Minox*, руководство для шифровки сообщений и радиоприемник, который он получил для секретной связи с Западом. В сентябре или октябре 1962 года Пеньковского арестовали, публично судили и обвинили в шпионаже. 16 мая 1963 года его казнили^[29].

Практически в то же время, когда Пеньковский общался с американскими и британскими агентами в лондонских и парижских гостиницах, еще два советских офицера предложили свои услуги Соединенным Штатам. В обоих случаях это произошло за пределами СССР. В 1961 году Дмитрий Поляков, офицер советской военной разведки, назначенный на работу в ООН, предложил сотрудничество американцам в Нью-Йорке. ФБР присвоило ему кодовое имя “Цилиндр”. Затем в 1962 году Алексей Кулак, который занимался в КГБ научно-технической разведкой, предложил свои услуги ФБР в том же Нью-Йорке в обмен на денежное вознаграждение. Он получил кодовое имя “Федора”. Оба они были важными и ценными агентами ЦРУ и ФБР в разные моменты в 1960-х и 1970-х годах, но по большей части с ними работали за границами Советского Союза. ЦРУ удавалось вербовать агентов и шпионов и находить добровольцев в разных других “глухих переулках”, но не в центре СССР, не на улицах Москвы.

После потери Пеньковского ЦРУ долго не могло добиться в Москве никаких результатов. Главной причиной было безграничное влияние Джеймса Энглтона, шефа контрразведки в штаб-квартире. При нем ЦРУ впало в состояние тяжелой паранойи и оперативного паралича. Энглтон был весьма примечательной фигурой: высокий, худой, эксцентричный, в совиных очках, темных костюмах и широкополых шляпах, он был отзывчив с друзьями и непроницаем для остальных. Он правил своим автономным подразделением, держа документы при себе и не давая к ним доступа другим службам ЦРУ. Стол Энглтона был завален досье, а сам он сидел в клубах сизого дыма, поскольку курил не переставая. У него было два хобби: выращивание орхидей и изобретение хитроумных наживок для ловли форели.

Проработав шефом контрразведки ЦРУ двадцать лет, с 1954 по 1974 год, Энглтон окружил себя и свою работу флером таинственности. Скрытный, подозрительный и неутомимый, он был одержим мыслью, что КГБ успешно манипулирует ЦРУ, разрабатывая свой грандиозный генеральный план дезинформации. Энглтон часто говорил о “пустыне зеркал” – это выражение он заимствовал из стихотворения Т. С. Элиота “Стариканус”, – ему казалось, что оно точно описывает хитросплетения и обманы, при помощи которых КГБ запутывает Запад. В 1966 году Энглтон писал, что “сплоченный и целеустремленный социалистический блок” стремится распространять на растерянном Западе намеренную ложь о “расколах, эволюции, борьбе за власть, экономических катастрофах [и] хорошем и плохом коммунизме”. Как только эта программа стратегического обмана будет выполнена, Советский Союз прикончит западные демократии одну за другой. Лишь специалисты по контрразведке, утверждал он, могут предотвратить эту катастрофу. Подозрениями Энглтону были проникнуты дух и само содержание операций, проводившихся ЦРУ в отношении Советского Союза в 1960-х, – и это привело к катастрофическим последствиям. Два директора ЦРУ, Аллен Даллес и Хелмс, позволяли Энглтому действовать по своему усмотрению. Он считал, что ни одному человеку и никакой информации, исходящей из советского КГБ, нельзя доверять. А если некому доверять, то и шпионов быть не может^[30].

Контрразведка крайне важна в деятельности любого разведывательного ведомства – она предотвращает внедрение агентов теми же методами, какие сама использует. Во время холодной войны от нее требовалось сочетание внешней бдительности – отслеживания каждого шага КГБ и, при возможности, переигрывания его – и внутренней настороженности, не позволяющей ЦРУ самому оказаться жертвой обмана или двойных агентов. В идеале работа контрразведки должна идти в связке со сбором разведанных, однако на деле между ними всегда возникало естественное напряжение. Оперативник мог кропотливо разрабатывать агента, чтобы обеспечить новый источник “позитивных разведанных”, плодов шпионажа, а затем офицер контрразведки ставил вопрос о том, можно ли доверять этому источнику. ЦРУ требовалось и то и другое, однако сокрушавшая все контрразведка Энглтону стала в 1960-х чересчур влиятельной. Все без исключения объявлялось или подозрительным, или дискредитированным.

Взрослая жизнь Энглтону проходила в мире, где обман был всё. Закончив Йельский университет, он вошел в элиту контрразведки и работал в Лондоне на военное Управление стратегических служб. Там он стал свидетелем ошеломительной обманной операции британцев против нацистской Германии, известной как *Double Cross* (“двойной крест”). Британцы выявляли немецких агентов и использовали их против врага, фактически нейтрализуя сбор разведанных нацистскими спецслужбами. Энглтон вел агентов в Италии, а потом вернулся в штаб-квартиру, где стал директором контрразведки ЦРУ. Он был уверен, что КГБ осуществляет против Соединенных Штатов масштабную программу “стратегического обмана”. Возможно, свою роль в этом сыграла его дружба с Кимом Филби. В 1950-х с этим британским сотрудником МИ-6 Энглтон поддерживал тесный контакт. В 1963 году Филби был раскрыт как агент КГБ; он бежал в Москву. ЦРУ давно подозревало Филби, однако Энглтон, возможно, воспринял подтверждение этих подозрений как еще одно доказательство того, что КГБ не дремлет – он вездесущ.

Однако самое сильное влияние на Энглтону оказал Анатолий Голицын, офицер КГБ среднего звена, который стал перебежчиком в 1961 году. Голицын выстроил сеть из собственных версий и домыслов, которые укрепили подозрения Энглтону в наличии у КГБ “генерального плана” обмана Запада. Сотрудники ЦРУ называли это энглтоновским “заговором чудовищ”. Голицын утверждал, что всякий перебежчик или доброволец, предложивший сотрудничество после него, будет частью этого “генплана”. Конечно, КГБ пытался вводить Запад в заблуждение, но Энглтон нагнетал страх перед этим обманом. В 1964 году он

организовал охоту за “кротами” внутри ЦРУ: Голицын настаивал, что от пяти до тридцати штатных и внештатных сотрудников управления – “подсадные утки” КГБ. В итоге не нашли ни одного предателя, но нескольким работникам испортили карьеру. Среди попавших под подозрение были первый начальник резидентуры в Москве и глава подразделения, занимавшегося советскими операциями; с обоих впоследствии подозрения были сняты. Еще один сотрудник КГБ, Юрий Носенко, перебежавший в США в 1964 году, был помещен под стражу и три с лишним года подвергался допросам ЦРУ, потому что Энглтон и Голицын усомнились в его честности.

Со временем подозрительностью Энглтона заразилось все “советское” подразделение ЦРУ. Пагубная недоверчивость и оперирование домыслами стали серьезным препятствием для разведывательных операций в Советском Союзе. Преодолеть его не могли ни потенциальные агенты, ни позитивные разведанные. Московская резидентура была невелика, в ней работали четыре-пять сотрудников, и они вели себя все осторожнее, тратя уйму времени на подготовку тайников, на тот случай, если у них все-таки появится свой шпион. Один оперативник за два года работы в московской резидентуре так и не увидел ни одного настоящего агента. Роберт Гейтс, который начал работать в ЦРУ в 1968 году как специалист по Советскому Союзу, а потом дорос до директора ЦРУ, вспоминал, что “из-за чрезмерного усердия Энглтона и сотрудников его контр разведки в этот период у нас было крайне мало настоящих агентов в СССР”^[31].

Оперативники нового поколения – те, кто пришел в ЦРУ в 1950-х и кого раздражали введенные Энглтоном ограничения, – хотели пробудить управление от летаргического сна. Среди них был Бертон Гербер. Этот долговязый и любопытный парень вырос в процветающем маленьком городе Верхний Арлингтон, штат Огайо, во время Второй мировой войны. По утрам он развозил на велосипеде газету *Ohio State Journal*, выпускавшуюся в Колумбусе. Пока мать готовила ему завтрак к 5.15 утра, он складывал сотню газет и паковал их в рюкзак. Часто он прочитывал статьи о войне на первой полосе газеты. В 1946 году ему было тринадцать, он был одушевлен патриотизмом и часто думал: а как устроена жизнь в тех далеких странах, о которых он читал в газете? Он хотел увидеть их сам. Гербер поступил в Мичиганский университет в Ист-Лансинге, со стипендией, и получил диплом по международным отношениям. Он подумывал пойти на дипломатическую службу, но в конце весны 1955 года, в последнюю четверть своего последнего учебного года, согласился сходить на собеседование с рекрутером из ЦРУ в университетском кампусе. ЦРУ в те годы было не на слуху, об управлении вообще было мало что известно. Представитель ЦРУ не мог рассказать Герберу ничего о самой работе. Но, может, ему это будет интересно? Гербер ответил, что будет, взял форму заявки, заполнил ее в студенческом клубе и выслал по почте. Еще до конца года его пригласили на работу. Ему было двадцать два. После краткосрочной службы в армии он прошел подготовку в ЦРУ для разведывательной работы, а потом получил назначение во Франкфурт и Берлин^[32].

Через Берлин, кишевший шпионами, проходила линия фронта в холодной войне. Берлинская операционная база находилась в самом центре крупнейшей в мире концентрации советских войск. ЦРУ пыталось вербовать советских граждан как агентов и перебежчиков, но это была тяжелая и кропотливая работа. Между тем одна из главных задач базы была технической: использовать 450-метровый секретный туннель, ведущий в советский сектор в Восточном Берлине, для прослушивания линий связи советских и восточногерманских войск. Так удалось перехватить множество звонков и телексов. Соединенные Штаты и Британия расшифровали 443 тысячи разговоров, из них 368 тысяч – между советскими военными. Прослушивающие устройства работали с мая 1955 года до апреля 1956 года, когда были обнаружены^[33].

Гербера обучили традиционным методам работы с агентами-разведчиками: поиску и закладке тайников, шифрованию сообщений, отправке и получению сигналов, обнаружению слежки. В Берлине 1950-х был распространен такой метод шпионажа: источников с восточной стороны склоняли являться для бесед на конспиративную квартиру в Западном Берлине; именно так действовал Кизевальтер в случае Попова. Для этого человек должен был иметь свободу перемещения с востока на запад – такое было возможно до возведения Берлинской стены в 1961 году. Позже у офицеров разведки появились другие трудности: необходимость вести агентов на расстоянии. У ЦРУ по-прежнему было мало опыта работы в закрытых обществах советского блока. В штаб-квартире тон в решении задач задавали в основном ветераны Управления стратегических служб – разведывательной службы времен Второй мировой. Во время войны они занимались дерзкими, почти военными операциями, но предпочтение отдавали безопасным методам – тем, что не требуют личного контакта (например, закладке тайников).

Используя тайники в местах, известных только агенту и его куратору, они обмениваются сообщениями и разведанными, никогда не встречаясь друг с другом. Новому поколению сотрудников, пришедших в ЦРУ после войны, тайники казались верхом предосторожности. Неугомонные и нетерпеливые, эти люди начали придумывать новые методы и экспериментировать с ними. Берлинская база стала опытным полем для работы со шпионами по ту сторону “железного занавеса”. Вместо того чтобы приглашать агентов на явочную квартиру, оперативники придумывали более оригинальные способы проникновения в закрытые зоны.

К счастью, подозрительность Энглтона не распространялась на Восточную Европу. Похоже, что она его не особенно волновала, и он не уделял ей много внимания, хотя государства – сателлиты СССР выстраивали там спецслужбы по модели КГБ и его предшественников^[34]. “Глухие переулки” Берлина, Варшавы, Праги, Будапешта, Софии и других городов Восточной Европы стали испытательным полигоном для молодых оперативников ЦРУ. Они изобретали новые методы шпионажа в “запретных районах”, как их называли в ЦРУ. Но их способ мышления был еще важнее, чем методы. Гербера вдохновляла сама задача тех дней – борьба с коммунизмом и Советским Союзом. Он и его однокурсники в первых своих поездках за границу не хотели просто сидеть в кресле. “Железный занавес” не внушал им страха. Они сделали шпионаж своей профессией и презирали пассивность. Герберу никогда не нравился термин “запретные районы”. Запретные для кого? Не для него и не для его товарищей.

И не для Хэвиленда Смита. Прибыв на берлинскую базу в 1960 году полным идей, он стал пионером нового мышления, которое сформировал, работая в Праге.

Выпускник Дартмутского колледжа, Смит служил в армейской службе безопасности, где в 1951–1954 годах занимался перехватом сообщений, написанных по-русски и с помощью азбуки Морзе. Затем он поступил в Лондонский университет на аспирантскую программу по изучению России и параллельно иногда брал подработки от ЦРУ. У Смита были ярко выраженные способности к языкам, он говорил по-французски, по-русски и по-немецки. В 1956 году он пришел работать в ЦРУ, и его отобрали для командировки в Чехословакию. Смит вовсю занимался языковой подготовкой, когда в 1958 году ему неожиданно предложили возглавить пражскую резидентуру. Его предшественник был не слишком активен и внезапно покинул свой пост. Смит прибыл на новую работу в марте. Он уже владел чешским в достаточном объеме, но был слабо подготовлен к той секретной деятельности, которой намеревался заняться. Его не учили ремеслу шпионажа: как отправлять секретные письма, как выбирать места для тайников и пользоваться ими, обнаруживать слежку и избавляться от нее, как проводить встречи с агентами, – притом во враждебной среде, где постоянно велось наблюдение. Смит пришлось учиться самому и на ходу^[35].

Смит узнал, что в пражской резидентуре имеются десятки современных раций, и тут пригодился его армейский опыт перехвата сообщений. Он выяснил радиочастоту, которой пользовались чешские спецслужбы в автомобилях наблюдения, следивших за посольством США, и смог взломать их голосовые коды. Если Смигу требовалось произвести закладку в тайник или отправить письмо, он включал рацию и магнитофон, чтобы записать переговоры. Затем он отправлял письмо или помещал что-то в тайник, возвращался и прослушивал запись. Если за ним следили, пока он был у тайника, он отменял операцию, если же признаков слежки не было, то подавал агенту сигнал, что можно забирать передачу. «Прага была идеальным местом для тех операций, что мы разрабатывали, – вспоминал он. – Красивый старинный барочный город, не затронутый войной. С узкими старыми улочками, сводчатыми проходами и переулками». Путем проб и ошибок Смит установил, что большую часть времени находится под наблюдением. Как-то раз ему показалось, что хвоста нет, однако затем выяснилось, что за ним следят 27 разных автомобилей. Смит был потрясен и понял, что какие бы операции он ни проводил, их придется выполнять под наблюдением. Никогда нельзя исходить из того, что все чисто. Это был важный урок для работы в «запретных районах».

Смит начал экспериментировать. Он стал формировать повторяющиеся наблюдаемые модели поведения, которые усыпляли бы бдительность групп наблюдения. Он начал водить машину медленно и осторожно, чтобы убедить чешскую слежку, что, идет ли он пешком или едет на машине, ей заранее известно, куда он направляется, и его можно оставить в покое. Каждый второй вторник к 10 утра он ездил в парикмахерскую, а затем, медленно ведя машину, сразу возвращался в офис. Через полгода Смит выяснил, что во время поездки в парикмахерскую за ним не следят, если он отсутствует не более 45 минут. Каждый вечер он отвозил домой няню своих детей, что занимало 40 минут. Со временем группе наблюдения надоело следить и за этим. Так Смит создал две возможности для оперативной работы, и в эти интервалы можно было успеть отправить письма, посетить тайник или сделать что-то еще. С помощью этого жесткого, тщательно выстроенного графика Смит обнаружил в поведении тайной полиции то, чего прежде никто не замечал: ее сотрудники бывают склонны к лени и к стереотипному, шаблонному мышлению. Иллюзионист в состоянии обмануть их.

Но этого знания Смигу было недостаточно. Да, его поведенческая модель позволила высвободить два временных зазора, но она была слишком жесткой. Он хотел большей гибкости, хотел иметь возможность выполнить указания из штаб-квартиры в кратчайший срок и даже под наблюдением. Поэтому он стал еще усерднее выискивать другие зазоры. Он обнаружил, что, когда идешь или едешь по переулкам, можно временно пропадать из поля зрения преследователей. Пропасть можно было на очень короткое время, не вызывая при этом у наблюдателей никаких подозрений. При правильных действиях это давало Смигу достаточно времени, чтобы мгновенно встретиться с агентом, отправить письмо или заложить что-то в тайник, будучи полностью вне зоны видимости. Идея была простая: он заворачивал за угол; когда за ним следовали пешком, после двух резких поворотов внутри одного квартала группа наблюдения настолько отставала, что Смит оказывался вне поля ее зрения с момента поворота за второй угол до момента, когда первый преследователь нагонял его и сворачивал за тот же угол, – где-то от 15 до 30 секунд. Этого было достаточно.

Смит также отработал концепцию мгновенной передачи, при которой агент появлялся точно в нужный момент. Он стремительно выходил на оперативника, передавал или забирал пакет и покидал место встречи. Если все было просчитано верно, тайная полиция не могла заметить уходящего агента, он исчезал мгновенно. Многое здесь зависело от правильного выбора места: наличия выступающих углов, которые блокируют обзор для группы наблюдения, и пути для быстрого отхода агента.

Затем Смита назначили в Берлин. Город был другой, более протяженный, но Смит по-прежнему использовал зазоры в графике и работал под наблюдением. Его нововведения демонстрировали отход от прежних методов и возможность вести разведывательные операции в стрессовой обстановке закрытых зон. По предложению штаб-квартиры Смит начал обучать новым приемам других берлинских оперативников, внедряя все то, что успел применить, работая “в зазорах”. На многие годы оперативная работа “в зазоре” стала девизом и надежным методом оперативников ЦРУ.

В 1963 году Смит вернулся в Соединенные Штаты и организовал курс для сотрудников, направляемых в Восточную Европу и Советский Союз, куда включил и разработанную им спецподготовку. Однако руководство ЦРУ он нашел по-прежнему настроенным очень осторожно и нерешительно. Смита попросили обучить чешского агента, прибывшего в США. Агент наотрез отказывался пользоваться тайниками, потому что не хотел оставлять без присмотра компрометирующие его секретные послания и пленки, – там их могла обнаружить чешская тайная полиция. Когда Смит показал ему метод молниеносной передачи материалов, агент охотно согласился его применять, потому что тогда он передавал документы прямо в руки ЦРУ. В штаб-квартиру Хелмсу был послан запрос на разрешение использовать новые методы в пражских операциях. Даже не поинтересовавшись существом дела, Хелмс отказал, заявив, что после дела Пеньковского “у него задница до сих пор горит” и он больше не участвует в “такого рода делах”, вспоминал Смит. Чешский агент отправился в Прагу, не получив разрешения на молниеносную передачу, и так прошел год. Смит донимал штаб-квартиру, добываясь от нее разрешения. В Восточной Европе стали постепенно появляться новые ценные агенты, и Смит считал традиционные процедуры с тайниками совершенно устаревшими.

В 1965 году Хелмс согласился на эксперимент. Он отправил своего заместителя Томаса Карамессинеса на демонстрацию молниеносной передачи. Смит устроил ее в вестибюле роскошного старого отеля “Мейфлауэр” в центре Вашингтона. Во время демонстрации передача прошла так искусно, что Карамессинес ее просто не заметил. Все дело было в ловкости рук: оперативник театральным жестом встряхнул дождевик левой рукой, одновременно правой передавая пакет Смицу. Карамессинес видел дождевик, но не пакет. Смит выучился этой технике у профессионального фокусника. На следующий день Хелмс одобрил использование молниеносной передачи в Праге. Впоследствии чешский агент передал ЦРУ сотни катушек пленки. Молниеносная передача с некоторыми модификациями потом использовалась по всей Восточной Европе и в Советском Союзе.

Молодое поколение адаптировало приемы по ходу дела. Дэвид Форден, оперативник, которого учил Смит, отправился в Варшаву и изобрел технический прием с использованием автомобиля, который медленно дважды заворачивает за угол и в образовавшийся временной зазор человек в машине обменивается пакетами с агентом. Это была своего рода та же молниеносная передача, но с использованием автомобиля. “Я подал свое предложение, которое мне казалось ценным как спецприем для встреч в зонах, где ведется жесткое наблюдение за американскими шпионами, – вспоминал Форден. – Мне ответили из центрального аппарата нашего подразделения: “Рискованно. Опасно. Не работает”. На что я ответил: “Слушайте, все это рискованно и опасно. Но это работает”. Форден впоследствии стал куратором одного из самых результативных и ценных агентов ЦРУ, Рышарда Куклинского, полковника польской армии, предоставившего чрезвычайно важную информацию по Варшавскому договору^[36].

Гербер экспериментировал с еще более радикальной идеей – личной встречей с агентом. Молниеносная передача – это очень быстрый обмен в ситуации слежки. Гербер же стремился к реальной встрече с агентом вдали от наблюдателей. В штаб-квартире пришли в ужас, но Гербер полагал, что сможет это отладить во время своей следующей командировки – в

Софии, столице Болгарии. Личные встречи не предполагались долгими, и Гербер считал, что при должной осторожности они возможны. Письменное сообщение, переданное через тайник, было ограничено тем, что говорилось на бумаге, но при личной встрече Гербер мог взглянуть агенту в глаза, задать вопрос, увидеть его жесты, его настроение. Он также считал, что когда работаешь оперативником и шефом резидентуры, ты должен идти на рассчитанный риск. Шпионаж требовал умения рисковать. И по поводу личных встреч Гербер демонстрировал неиссякаемый энтузиазм.

В первые годы холодной войны дефицит личных контактов в Советском Союзе вынудил Соединенные Штаты обратиться к технологиям, сильной стороне Америки. Сначала шпионский самолет U-2 в 1950-х, а затем спутники *Corona*, *Gambit* и *Hexagon*, запущенные в 1960-х и 1970-х, открыли новые горизонты шпионажа – воздушную фоторазведку и радиотехническую разведку. Самая продвинутая из спутниковых систем, *Hexagon*, была способна фотографировать 80–90 процентов застроенных территорий Советского Союза дважды в год, один спутник за один пролет покрывал полосу размером 555 на 12 963 километра. Для американского руководства спутники стали надежным способом слежения за стратегическим вооружением и страховкой от сюрпризов^[37].

Но как извлекать секреты, таящиеся в сейфах и в головах людей, – секреты, которые спутник не может увидеть? ЦРУ пыталось изобрести эффективные техники нахождения, вербовки и ведения агентов на советском направлении. Так, в одном внутреннем исследовании ЦРУ предлагалось искать маргиналов, неудачников, людей с психологическими проблемами среди советских дипломатов^[38]. Другой документ выдвигал теорию, что в новом поколении избалованных молодых людей, среди советской “золотой молодежи”, с большей вероятностью найдутся желающие стать агентами или перебежчиками^[39]. Третью идею выдвинул штатный психолог ЦРУ: искать тех, у кого проблемы в браке, кто разочаровался в своей работе, кого лично обидели или кому помешали делать карьеру^[40].

Гербер, вернувшийся в штаб-квартиру в 1971 году, не верил, что есть одна простая формула. Скорее, доказывал он, нужно действовать прагматично: выяснять, кто владеет секретами, и находить к ним подходы. “Работает то, что работает”, – говорил он часто. Но Гербер также понимал, что ЦРУ, отягощенное грузом прошлых подозрений, не слишком привлекает добровольцев в Москве. Тем русским, кто осмеливался явиться в посольство, обычно задавали несколько вопросов и указывали на дверь. Редко когда предпринимались попытки понять, искреннее ли это предложение. Влияние Энглтона по-прежнему сказывалось.

Гербер, имея небольшой штат и руководствуясь лишь собственной интуицией, начал изучать вопрос системно: он поднял документы на каждого человека, который добровольно предлагал делиться информацией в Москве за последние пятнадцать лет (а в Восточной Европе – за десятилетие). Он читал досье и шифрограммы, обращая внимание на каждую мелочь. В совокупности эти данные вопияли об ошибочности подозрений Энглтона. Гербер пришел к выводу, что ЦРУ регулярно отвергало искренних добровольцев, отказываясь, возможно, от ценных разведанных. Он заключил, что гораздо продуктивнее проверять тех, кто предлагает свои услуги, а не исходить из того, что все они – часть плана КГБ по дезинформации. Он считал, что ЦРУ в Москве было достаточно умелым, чтобы отделять настоящие источники от фальшивых. Кроме того, он заметил повторяющуюся схему: те добровольцы, которых КГБ использовал как приманку в ловушке, обычно уже были известны предполагаемым получателям информации; до этого они могли сталкиваться раз или два. Так работал КГБ: чтобы поймать кого-то в западню, они выставляли узнаваемую наживку, делая ловушку более привлекательной. Изучая документы, Гербер обнаружил также, что КГБ руководствуется определенной схемой и в отборе людей-приманок. Ими никогда не становились действующие сотрудники КГБ, потому что спецслужба не доверяла своим людям настолько, чтобы позволять им вступать в отношения с американскими оперативниками. КГБ также не

использовал людей, незнакомых адресату. Вывод Гербера: не бойтесь принимать что-то от человека, которого вы никогда прежде не видели – это, скорее всего, не опасно. Возможно, это бесполезно, но не опасно. Однако, размышляя Гербер, если ваш советский знакомый жаждет сунуть вам в руки конверт, будьте осторожны: вот это может оказаться ловушкой^[41].

Эти наблюдения в ЦРУ прозвали “правилами Гербера”, и они обозначили поворотный момент: они опровергли подход Энглтона. Не каждый доброволец был приманкой. Свои выводы Гербер представил в отчете в мае 1971 года. Хелмс, наконец, был уже по горло сыт влиянием Энглтона и на расчистку завалов поставил нового начальника “советского” отдела. Им стал Дэвид Бли, ветеран Управления стратегических служб, которого забрасывали в тыл врага во время Второй мировой; он работал на ЦРУ с момента его основания в 1947 году. Бли – спокойный и сдержанный человек, разведчик старой школы, служивший резидентом в Южной Африке, Пакистане и Индии, а позже глава ближневосточного направления – не имел никакого опыта работы с Советским Союзом. Это-то Хелмсу и требовалось: человек, который не заражен энглтоновскими подозрениями. Бли дал всем понять: пора все-речь заняться обзаведением корреспондентом внутри Советского Союза. В декабре 1974 года Энглтону вынудили уйти в отставку, но еще до того, как он покинул штаб-квартиру, забрезжила заря новой эры. Более агрессивный подход начал приносить плоды^[42].

В январе того года ЦРУ завербовало советского дипломата, служившего в Боготе, столице Колумбии. Александр Огородник был сыном высокопоставленного офицера советского флота; 39 лет, высокий, привлекательный, атлетического сложения, темноволосый. В Боготе Огородник служил секретарем посольства по экономическим вопросам. У него была масса проблем. КГБ вынуждал его стать информатором, эту роль он выполнять не хотел, но боялся отказаться. Он был женат, но у него была колумбийская любовница. Он приобрел машину – необычный поступок для советского дипломата – и, похоже, наслаждался светской жизнью в городе. И ему были нужны деньги.

Предложение о сотрудничестве оперативник ЦРУ сделал Огороднику в турецкой бане крупного отеля в центре Боготы. Огородник, не колеблясь, ответил согласием. Он сообщил собеседнику, что терпеть не может КГБ и хочет изменить советскую систему. Но его мотивация была и личной. Он хотел, чтобы его труд щедро оплачивался. Огородник согласился, чтобы ЦРУ хранило большую часть его жалованья на депозите, но некоторую часть он тратил, покупая изумрудные украшения для своей матери и более скромные вещицы для себя, вроде контактных линз, которые в Советском Союзе в то время приобрести было невозможно^[43].

Огородник с удовольствием погрузился в шпионскую подготовку в Боготе. Обычно, по словам бывшего высокопоставленного сотрудника ЦРУ, такая тренировка требовала месяцев обучения и многих лет для оттачивания навыков, но Огородник справился с ней в считанные недели. Он научился фотографировать документы сначала 35-миллиметровой камерой, а потом новой миниатюрной камерой Т-50, разработанной ЦРУ. Крошечная камера была упрятана внутрь большой перьевой ручки. Пленка в Т-50 была не слишком светочувствительной. Для съемки документов требовалось яркое освещение и твердая рука, чтобы держать камеру.

Однажды Огородник принес своим кураторам из ЦРУ неожиданную новость. Советское посольство получило совершенно секретный аналитический доклад по Китаю, который можно было прочесть только в запертой комнате в помещениях КГБ. Огородник дважды пытался пронести в комнату перьевую ручку, но это замечал бдительный охранник. Наконец он прибыл на встречу и прямо в дверях гостиничного номера объявил своему наставнику из ЦРУ: “Кажется, у меня получилось”. Сотрудник ЦРУ спешно передал камеру ожидавшему курьеру, который, не выпуская ее из рук, доставил на самолете в штаб-квартиру в Лэнгли, штат Виргиния. На пленке оказались все 50 страниц документа, кроме двух^[44].

В 1974 году Огородника перевели в Москву, что сделало его еще более ценным агентом для США. Он сообщил в ЦРУ, что у него лишь одна просьба: выдать ему пилюлю для суицида на случай, если его поймут. В ЦРУ заколебались, и Огородник вылетел в Москву без таблетки. Но у него была с собой книга, в которой были спрятаны инструкции и график коммуникаций с ЦРУ.

ЦРУ нащупывало выход из “пустыни зеркал”. Огородник стал первым агентом этой новой эпохи – но отнюдь не последним.

Глава 2

Московская резидентура

Марти Питерсон вела в Москве напряженную двойную жизнь. У нее было много дел на служебном месте в посольстве США – пять дней в неделю, восемь часов в день. В посольстве работали десятки советских людей, и восемь из них сидели рядом с Питерсон. Все они были женщины, все – потенциальные информаторы КГБ. Питерсон хорошо справлялась с работой, приходила вовремя и по окончании рабочего дня выходила повеселиться в компании с другими одинокими мужчинами и женщинами, работавшими в посольстве. Всё в ее квартире: одежда, сумочки, туфли, хозяйственные сумки, письма из дома, музыка, книги – говорило о том, что она типичная молодая американка, сотрудница посольства. Но днем она часто уходила, говоря, что идет обедать, и проводила час в московской резидентуре ЦРУ, печатая отчеты или готовясь к операции. Вечерами и в выходные она проверяла и фотографировала места встреч, доставляла и забирала посылки агентов, управлялась с электроникой, предназначенной для коммуникаций со шпионами, и постоянно была настороже: нет ли признаков, что КГБ в курсе ее занятий? Это была утомительная двойная жизнь. Днем Питерсон поддерживала обычный график обычной сотрудницы посольства, а во все оставшееся время несла полноценную нагрузку в ЦРУ. Эти две роли не следовало путать: первая должна была быть убедительной, вторая – незримой.

Питерсон – первая женщина, которая стала оперативным сотрудником ЦРУ в московской резидентуре. Ее лично выбрал шеф резидентуры Роберт Фултон, который просчитал, что КГБ не обратит внимания на женщину: в советской спецслужбе на таких ролях были задействованы лишь мужчины. Фултон, которому тогда было 49, посвятил свою служебную жизнь незримой войне с коммунизмом. Он служил в Корее в качестве офицера военной разведки, а в 1955 году начал работать в ЦРУ. Среди его заданий были разведывательные операции в Финляндии, Дании, Вьетнаме, Таиланде и Советском Союзе. Шпионаж стал его жизнью. Он был главной опорой для Питерсон: он терпеливо ждал, когда она придет в резидентуру в обеденный час, всегда был внимателен и наставлял ее в технических вопросах. У него была искорка в глазах, и он никогда не принимал себя слишком всерьез.

В 1975 году, когда Питерсон приехала в Москву, ей было тридцать лет. Она только-только начинала выкарабкиваться из своей трагедии, справляться с горем и неуверенностью в том, как жить дальше. За несколько лет до этого она поехала с мужем, Джоном Питерсоном, в Лаос, где тот руководил военными операциями ЦРУ во время вьетнамской войны. 19 октября 1972 года вертолет Джона сбили, он погиб. Потеря раздавила Марти, на какое-то время она лишилась способности что-либо делать, только испытывала боль при виде антивоенных протестов в США. В конце концов она решила пойти по стопам Джона и в 1973 году устроилась в ЦРУ. Она родилась в семье бизнесмена из Коннектикута, получила гуманитарное образование, выросла в годы холодной войны и хорошо помнила учебные воздушные тревоги в школе. Но ею руководила не столько идеология, сколько ее собственная деятельная натура. Когда приятель предложил ей попробовать себя в тайных операциях, она ухватилась за этот шанс. Питерсон была привлекательной и одинокой женщиной, и расчет Фултона оказался верным: по ее прибытии в Москву КГБ не заподозрил, что она работает в разведке^[45].

Московская резидентура представляла собой тесную комнатуху на седьмом этаже посольства. Только там Питерсон могла быть собой. За стенами этой комнаты она должна была соответствовать своей легенде. Правила были жесткие: она не могла даже выпить кофе в кафетерии с другими сотрудниками ЦРУ, не говоря уже о неформальном общении с ними, потому что вокруг повсюду были советские граждане, которые могли донести в КГБ. Но

оказавшись в резидентуре, она могла расслабиться, снять напряжение и разговаривать свободно. Еще в Соединенных Штатах Питерсон прошла обучение в ЦРУ, например, она тренировалась оставлять сообщение для агента, выбрасывая погремушку из движущегося автомобиля на парковке универмага *Hecht's* на севере Виргинии. Ее броски попадали в цель, но реальные задания оказались куда труднее и требовали большего напряжения. Первые несколько недель в Москве она изучала улицы, колеся по городу (часто вместе с подругой) за рулем своих квадратных “жигулей”.

Маленький радиоприемник, разработанный в ЦРУ, позволял оперативникам на улице слушать разговоры группы наблюдения. Питерсон не слышала ничего. Коллеги в резидентуре завидовали ее возможности передвигаться без хвоста. Питерсон понимала: некоторые подозревают, что она просто не видит слежки. Она была твердо намерена доказать свою состоятельность, хотя сама то и дело испытывала сомнения. Может, она и правда не видит, как сотрудник КГБ наблюдает за ней из окна квартиры или милиционер следит за ней из своего “стакана” на перекрестке? Иногда казалось легче сдать и сказать: да, она под наблюдением, – чем пытаться доказать, что слежки нет. Но она ее не видела и так и говорила. Питерсон часто брала с собой зеркальную камеру *Nikon* с широкоугольным объективом, принадлежавшую ее мужу Джону, и снимала на нее места возможных тайников или секретных встреч. Никто из прохожих ни разу не поинтересовался, чем она занимается^[46].

Когда Питерсон прибыла в московскую резидентуру, операция с Огородником была в разгаре. Шпион получил кодовое имя *СКTRIGON* (“Треугольник”). Первые буквы *СК* обозначали “советский” отдел. По возвращении в Москву из Боготы Огородник получил работу в МИДе. Это не была руководящая должность, но на ней он имел доступ к секретным телеграммам, которыми обменивался головной офис с советскими посольствами по всему миру. Для ЦРУ это было просто идеально. После некоторой паузы Огородник обеспечил стабильный поток секретных документов из МИДа. Он хорошо овладел навыками съемки камерой Т-50, его снимки всегда были четкими и правильно кадрированными. Он следовал процедурам, о которых с ним договорились в Боготе, и подавал сигнал ЦРУ, паркуя свою машину с 19.00 до 19.15 перед домом, где жила его мать.

Однажды, когда Огородник подал сигнал, что готов передать посылку, Фултон отправился на встречу сам. Он спокойно посадил своего пса Голиафа в машину и двинулся к лесистому холму с видом на город неподалеку от МГУ. Подъезжая к месту закладки, Фултон заметил, как за ним лениво следует группа наблюдения КГБ. Но он часто выгуливал собаку в лесу, и они не подозревали ничего необычного. Когда Фултон открыл дверь, пес внезапно выпрыгнул и умчался в березово-сосновый лес. Фултон погнался за ним. Собака помочилась на дерево именно в том месте, где был оставлен пакет. Фултон быстро схватил его и сунул в карман куртки, пока сотрудники КГБ не успели разглядеть, что происходит. Он отнес пакет домой, но не открывал его, подозревая, что КГБ установил в его квартире видеокамеру. На следующее утро пакет был вскрыт в резидентуре. В нем было десять катушек пленки и записка^[47].

В 1976 году появились первые признаки того, что назревает проблема. Огородник по непонятной причине не выходил на связь в феврале и марте. Затем, в апреле, оставить передачу в условленном месте поручили Питерсон – это было ее первое оперативное задание в Москве. Был холодный и снежный вечер. Посылку следовало оставить у фонарного столба. Над ней тщательно поработали технические специалисты ЦРУ: она выглядела как раздавленная сигаретная пачка, но внутри скрывались миниатюрная камера, катушки с пленкой и сообщение. Питерсон ловко положила на землю пакет, делая вид, что сморкается и поправляет сапог. Следуя плану, разработанному в резидентуре, она около часа ходила по улицам, замерзшая и взволнованная, а затем вернулась к столбу проверить, забрали ли посылку.

Пакет был на месте. Огородник не пришел. Питерсон подобрала посылку и отправилась домой, в тревоге и сомнениях.

21 июня, когда Питерсон отправилась на следующее задание, в посылке была самая важная передача, которую ЦРУ когда-либо готовило для Огородника: та самая пилюля для суицида, которую он запрашивал. В муляже толстой полой ветки, изготовленном в ЦРУ, находились красивая черная перьевая ручка с капсулой жидкого цианида и другая, внешне такая же, ручка с вложенной миниатюрной камерой Т-50. Капсула с цианидом была хрупкой, ее легко можно было раздавить зубами. Питерсон, бережно прижимая к себе ветку, отнесла ее к фонарю в парке, положила под ним и ушла. Затем появился Огородник. Он подобрал ветку и оставил вместо нее нечто вроде смятого пакета из-под молока, который он измазал горчичниками – чтобы было похоже на рвоту и чтобы никто не стал его подбирать. Полтора часа спустя Питерсон вернулась к фонарю, увидела пакет, быстро сунула его в полиэтиленовый пакет в своей сумочке и пошла к соседней автобусной остановке. Она ликовала. Следующим шагом было начертить губной помадой тонкую красную линию на столбе у остановки. Это был сигнал Огороднику, что передача получена. Но от волнения Питерсон нажала слишком сильно, помада сломалась и оставила красное пятно. После успешного обмена посылками она чувствовала прилив адреналина, но одновременно и опустошенность. Пока Питерсон ходила по улицам, она много думала об Огороднике. Она никогда не встречалась с ним лично. Должно быть, он чувствовал себя ужасно одиноким. Она спрашивала себя: боится ли он ареста? Отважится ли он воспользоваться пилюлей? Не подумает ли по ошибке, что конец близок, и не совершит ли самоубийство преждевременно?^[48]

Позже, в том же 1976 году, Огородник вдруг запаниковал: ему показалось, что его подзревают. Тогда он выбросил ручку с капсулой цианида, а позже попросил новую. Питерсон приготовилась доставить ее еще раз на то же место, снова в полой ветке. Но в этот раз за час до того, как Огородник должен был подобрать передачу, Питерсон, подходя к парку, увидела, как он проезжает мимо в своей машине. Она узнала его автомобиль по номеру, но ее обескуражило то, что на пассажирском месте сидела женщина с “конским хвостом”. Кто это такая? Питерсон отошла за деревья и стала напряженно, не двигаясь, ждать. В нужное время Огородник пришел один, с чемоданчиком, и подобрал ветку. “Конского хвоста” с ним не было.

В долгие, темные зимние месяцы, когда на работе было совсем напряженно, Питерсон старалась расслабиться, катаясь на лыжах в окрестностях Москвы. Резидентура выбрала в одном из окрестных лесов место для тайника. Огородник просигналил, что готов оставить передачу в субботу 29 января 1977 года, в 9 утра. Место закладки было рядом с крупным валуном. Питерсон показали рисунок местности.

В то утро Москву накрыла снежная буря. Питерсон выехала за город, по дороге не встретив почти ни души, припарковала машину и заскользила по лесу на лыжах. Валун размером с “фольксваген” утопал в снегу. Она надеялась увидеть следы Огородника, но снег был нетронутым, как корка белой сахарной глазури. Никаких следов. Питерсон искала передачу, но не могла ее найти. Она была уверена, что посылка где-то там; может, Огородник оставил ее с другой стороны камня. Она начала копать – и не нашла ничего. В исступлении она перерыла и просеяла весь снег вокруг валуна.

Но передачи не было. Питерсон отправилась домой, обессиленная и встревоженная.

Незадолго до этого, в начале января, начальник резидентуры Фултон заехал на заправку, которой пользовались дипломаты и другие иностранцы, жившие в Москве. Это был маленький павильон, с торчащими спереди насосами и надписью “Не курить”. Было 6 часов. Фултон пошел назад к автомобилю. Позади него ожидали очереди как минимум пять машин. Люди стояли рядом, разговаривали.

Когда Фултон открыл дверь машины, к нему подошел мужчина. Он заговорил по-английски: “Вы американец? Я бы хотел с вами поговорить”. Фултон не замечал его, пока тот не произнес эти слова.

Фултон ответил, что прямо здесь говорить трудно, и спросил мужчину, чего он хочет.

“А, трудно будет?” – с нажимом переспросил мужчину, как будто ожидал, что Фултон скажет именно это.

Перейдя на русский, он сказал: “Извините”, слегка наклонился к машине и оставил на сиденье сложенный листок бумаги. Фултон понял, что тот держал записку в ладони и явно успел обдумать свои действия.

Разговор продолжался не более 15 секунд. Мужчина отошел от заправочной станции и повернул в переулок. Фултон поехал назад в резидентуру, слежки за собой он не видел^[49].

Добравшись до резидентуры, Фултон изучил записку. Она была написана по-русски на двух сторонах одного листа белой бумаги и обернута другим листом, на котором ничего не было. Фултон отправил в штаб-квартиру ЦРУ шифрограмму, в которой описал мужчину: ему под шестьдесят или чуть больше, рост примерно метр шестьдесят семь, вес около восьмидесяти килограммов, одет “как обычный советский человек, в темном пальто и меховой шапке”. Фултон отметил, что в тот момент на заправке его машина была единственная с американскими номерами. Такие шифрограммы было принято писать кратко, и Фултон только добавил, что мужчина “явно ждал, пока не появится американец”. Он “совсем не выглядел нервничающим и явно хорошо продумал свое обращение”.

В записке мужчина указал, что хочет “обсудить некоторые вопросы” на “строго конфиденциальной” основе с “компетентным американским официальным лицом”. Там ничего не говорилось о том, кто он и о чем хочет говорить, однако был предложен подробный план следующего шага – встречи либо на станции метро, либо в автомобиле^[50].

У Фултона были дурные предчувствия. В том, что советский гражданин передал американцу записку, не было ничего необычного. Многие дипломаты из США, чуть-чуть приоткрывавшие окна в машинах летом, потом обнаруживали просунутые в щель послания. Но Фултон привык быть осторожным. КГБ часто пытался заманить сотрудников ЦРУ в ловушку. Иногда ловушка была настолько примитивной, что ее было легко избежать, но попадались случаи и более трудные. У КГБ был давний опыт искусных обманов. Агента ЦРУ заманивали на встречу, затем из засады выскакивали оперативники, сотрудника объявляли персоной нон грата и высылали из страны.

Московская резидентура каждый свой шаг согласовывала со штаб-квартирой. Фултон сообщил туда, что в записке, полученной на заправочной станции, содержался “тщательно продуманный” план встречи, но не стал излагать все детали. Послание выглядит “конспираторским, что может свидетельствовать об опыте работы в спецслужбах”, писал он. Фултон утверждал, что “очень хорошо понимает”, что обращение может быть приманкой КГБ, и что он предпочел бы выяснить точнее, чего этот человек хочет. Фултон написал, что даст знать мужчине, что заинтересован в варианте с автомобилем, но не будет сразу устраивать личную встречу. Если это и вправду ловушка, Фултон не собирался лезть в капкан.

Но при этом он был заинтригован. Записка производила впечатление достоверной. Фултон подумал, что, если пойти на контакт, возможно, мужчина в ответ выдаст больше информации. Он подъехал на машине к месту, которое упоминалось в записке, но не увидел ее автора. Затем из главного управления ЦРУ сообщили, что не хотят разрабатывать этот контакт, опасаясь, что это ловушка, и дали Фултону указание больше ничего не предпринимать^[51].

3 февраля мужчина появился снова. На этот раз он подошел к машине Фултона на соседней с посольством улице в 7 часов вечера, уже в темноте. Фултон еще сидел в автомобиле с работающим двигателем. Неподалеку находился пост милиции, но машину заслонял

высокий сугроб. Мужчина заглянул в окно со стороны водителя и постучал по стеклу. Когда Фултон опустил стекло, мужчина бросил внутрь записку, повернулся и ушел. За ним никто не следовал.

В записке снова предлагались условный сигнал и встреча. Сигнал следовало подать на следующий вечер, припарковав машину на близлежащей улице. Фултон отправил в штаб-квартиру телеграмму, где отмечал, что мотивы мужчины “по-прежнему неясны”, так что он не стал реагировать.

Две недели спустя, 17 февраля, Фултон вышел из посольства около 18.45 и, подходя к машине, увидел, как из телефонной будки в тени многоквартирного дома, примерно в десяти метрах от него, выходит тот же мужчина. Фултон уже забирался в машину, когда мужчина подошел к нему.

“Чего вы хотите?” – спросил Фултон.

Тот ответил, что хочет передать еще одну записку. Он бросил в машину сложенное письмо, резко повернулся и быстро ушел. Фултон не увидел вокруг больше никого, сел в машину и спокойно поехал домой. Слежки он не заметил.

Открыв письмо, Фултон обнаружил четыре страницы, написанные от руки. Следующим утром он отправил в штаб-квартиру примерный перевод. Мужчина писал, что понял, почему его неоднократные просьбы проигнорировали. “Мои действия, возможно, вызвали подозрения”, – отмечал он, подчеркивая, что очень хорошо понимает: ЦРУ страшится попасть в западную КГБ. Но, добавлял мужчина, если бы он хотел этого добиться, он бы это уже сделал. Но не таковы его намерения и не таков его метод. “Я инженер и не специалист в секретных делах”, – писал он, обещая предоставить больше информации о себе, чтобы развеять подозрения, но призвал ЦРУ обращаться с его следующим посланием очень осторожно. “Я работаю на закрытом предприятии”, – говорил он, что означало секретное советское учреждение, вероятно, имеющее отношение к оборонным или военным разработкам. Чтобы передать записки, писал мужчина, он был вынужден многие часы ждать в разных местах, чтобы уловить нужный момент; это было напряженное и отнимающее много времени бдение. Он призвал ЦРУ упростить дело и встретиться с ним для получения новой записки в следующую пятницу.

Фултон запросил в штаб-квартире ЦРУ разрешение продолжать контакт. Его впечатлила настойчивость мужчины. Он написал в Лэнгли: нет большого риска в том, чтобы припарковать машину на улице и дожидаться, когда мужчина подкинет конверт в окно. Этот человек “уже, по сути, сделал это дважды”, указал он, и КГБ при желании мог уже задержать их.

Фултон понимал, что в штаб-квартире возникнут сомнения. Они могут спросить: а не слишком ли невероятно, что россиянин в Москве безо всякой помощи распознает шефа резидентуры США, чтобы передать тому записку? В январе, к моменту передачи первой записки, Соединенные Штаты уже выслали сотрудника КГБ, работавшего в ООН, – так, может, это ответная западня? Но все же что-то в поведении мужчины внушало Фултону, что он действует искренне. Фултон написал в штаб-квартиру, что, по его мнению, мужчина выбрал его на заправочной станции для дипломатов случайно и, вероятно, запомнил номер его машины; поэтому не было “ничего необычного” в том, что он продолжал искать с ним контакта. Фултон пообещал, что “ни при каких обстоятельствах” не будет выдвигаться в другое место, где может быть организована ловушка^[52].

В штаб-квартире, однако, отнеслись к этому с большим подозрением и велели Фултону не подавать никаких сигналов.

Несколько месяцев спустя, в мае 1977 года, мужчина в четвертый раз обратился к Фултону. Он прятался в телефонной будке рядом с машиной Фултона, и в руках у него был пакет. Фултон увидел неподалеку оперативников из КГБ и пакет брать не стал.

Мужчина постучал по машине Фултона, чтобы привлечь его внимание. Фултон, как его и проинструктировали, не реагировал^[53].

Летом работа Фултона в Москве подошла к концу. Новым шефом московской резидентуры стал Гарднер “Гас” Хэтэуэй, который подходил к делу иначе. Он вырос на юге Виргинии, о чем свидетельствовали легкий акцент (мягкое, раскатистое “p”) и манеры джентльмена, сочетавшиеся с твердым сознанием своей миссии. Хэтэуэю было 53 года, в конце 1950-х он служил в ЦРУ в Берлине, а потом в Латинской Америке и был склонен работать агрессивно, предпочитая настоящие операции.

Весной и в начале лета 1977 года у московской резидентуры начались проблемы с Огородником. В феврале для него оставили полую ветку, которую он не забрал. Он заложил посылку в тайник по графику в апреле, но, открыв ее, технические специалисты резидентуры заключили, что передача подготовлена кем-то еще. Фотографии Огородника обычно были безупречны, а тут они казались сделанными небрежно.

Хэтэуэй хотел возобновить контакт с Огородником и запустить операцию по новой. ЦРУ отправило шпиону закодированное радиосообщение на коротких волнах, где предписывалось подать сигнал в виде маленькой красной отметки на дорожном знаке “Дети”, если он готов к очередной передаче.

Рано утром 15 июля 1977 года Питерсон подъехала к знаку, отметка на нем была, но какая-то не такая. Это была жирная вишневая отметка, как будто нанесенная по трафарету. У настоящего агента нет времени на трафарет. Она вернулась в резидентуру и рассказала остальным, что увидела: да, сигнал на месте, но выглядит странно. Питерсон предложила, чтобы следующую закладку провел кто-то другой. У нее в животе словно узлом все стягивалось. Трафаретная отметка должна была сделать Хэтэуэя осмотрительнее, но нет: он хотел продолжать.

В тот день Питерсон работала по обычному графику на своей официальной работе. В 6 вечера она пошла в резидентуру и заново просмотрела план операции на столике в офисе Хэтэуэя. Потом отправилась домой и надела более удобную одежду: летнюю блузку и сандалии на платформе. Волосы убрала назад, чтобы скрыть мелированные светлые пряди. Она так и так не могла сойти за русскую, но хотела по возможности не выделяться. К бюстгалтеру она прикрепила липучкой крохотный радиоприемник ЦРУ, который улавливал переговоры КГБ. Затем накинула на шею петлевую антенну и вставила в ухо крохотный беспроводной наушник, полностью скрытый волосами.

Питерсон села в машину и начала петлять по городу, двигаясь по маршруту, специально спланированному, чтобы избавиться от хвоста – от наблюдателей из КГБ. Затем она припарковала машину, спустилась в метро, сделала три пересадки и вышла у спортивного стадиона, как раз когда зрители покидали его после матча. Она влилась в толпу и наконец оказалась на месте закладки – это была каменная башенка на железнодорожном мосту через Москву-реку.

Она поднялась на сорок ступенек – к месту, где прежде оставляла передачи для Огородника. В ее сумке был рыхлый кусок черного асфальта с потайным отделением, где находились сообщения и миниатюрная камера для Огородника. В 22.15, когда в Москве едва сгущались сумерки, Питерсон оставила кусок асфальта в узком квадратном окошке башенки, ровно на расстоянии локтя от края. Спускаясь по ступенькам, она увидела, как к ней бегут трое мужчин в белых рубашках. Ей некуда было бежать, в реку прыгать она не собиралась. Мужчины схватили ее, и она почувствовала, что закипает, – это были люди из КГБ. Подъехал фургон, из которого выскочили еще несколько человек. Питерсон изо всей силы пнула одного из них, но ее крепко держали. Сотрудник КГБ начал делать снимки со вспышкой. Потом они стали обыскивать ее и нашли радиоприемник, но не знали, как отклеить липучку. Затем они принесли кусок черного асфальта, найденный в башенке. Питерсон громко объ-

явила, что она американская гражданка, что они должны позвонить в посольство и не могут ее задерживать. “Отпустите меня!” – закричала она. “Пожалуйста, говорите тише”, – сказал один из оперативников. Питерсон продолжала повторять телефонный номер посольства. Наконец они сняли с бюстгальтера приемник и нашли антенну. Однако так и не нашли наушник.

Питерсон отвезли в здание КГБ на Лубянке и допросили. У нее все сжалось внутри, когда они достали кусок асфальта, выкрутили четыре винта с обратной резьбой, сняли крышку с тайника и опустошили его у нее на глазах. Сотрудник доставал предмет за предметом, а следователь наблюдал. Там было послание для Огородника, напечатанное крохотными буквами на 35-миллиметровой пленке, контактные линзы и жидкость для них, несколько рулонов туго скрученных рублей и изумрудные украшения. Когда достали большую черную перьевую ручку, главный следователь резко приказал положить ее и не трогать. По его тону было ясно, что он знает о капсуле с цианидом, которую ЦРУ выдало Огороднику. На самом деле в этой ручке была камера, а не цианид, но по поведению следователя Питерсон почти сразу поняла, что Огородника поймали.

Тем же вечером ее отпустили – это была обычная процедура при арестах шпионов. За ней приехал офицер из консульства, разглядывавший ее с изумлением: он думал, что она просто клерк, а не оперативник, работающий на улицах. Офицер довез ее до посольства, и Питерсон сразу пошла в резидентуру. Она знала, что вскоре ее объявят персоной нон грата в СССР. Было уже за полночь, но еще несколько часов, сидя в резидентуре, она пересказывала коллегам события дня и иногда выругивалась. Один из них делал заметки, чтобы составить шифрограмму для штаб-квартиры. Телеграмму отправили в 3.30 утра по московскому времени.

Подавленная, вымотанная, не понимающая, как все-таки раскрыли Огородника, Питерсон успела только чуть-чуть поспать перед тем, как улететь из Москвы на следующий день, в субботу 16 июля.

Для штаб-квартиры это был сокрушительный удар. Огородник был ценнейшим агентом, впервые продемонстрировавшим, что энглтоновские годы наконец остались позади. Теперь агент был потерян, и никто не знал почему. Оперативный сотрудник Джеймс Олсон вспоминал, что происходило в штаб-квартире вскоре после того, как “советский” отдел получил новости. “Весь отдел, занимавшийся СССР, все они, от самого мелкого клерка до сварливого старого начальника, плакали, – рассказывал Олсон. – Потому что мы потеряли “Треугольника”. Мы поняли, что его больше нет”^[54].

Потом Питерсон узнала, что Огородника арестовали у него на квартире. Его раздели до нижнего белья. Зная, что КГБ не терпится узнать обо всех подробностях его работы на ЦРУ, он предложил написать признание. Ему подали его ручку, и Огородник раскусил ту часть корпуса, в которой находилась капсула с цианидом. Он умер в считанные минуты. КГБ не успел ничего узнать^[55].

Глава 3 Его звали “Сфера”

Во время долгого перелета на родину Марти Питерсон мучилась оставшимися без ответа вопросами. Она не понимала, почему случился провал. Ее маршруты к местам закладок были длинными, тщательно спланированными, слежки за собой она никогда не видела, и все-таки они оказались в засаде на мосту. Но, даже схватив ее, они еще не знали, что она из ЦРУ; она два года ускользала от них. Как же они выяснили точное время и место закладки? Это ее промах? Была слежка, которой она не заметила? Или утечка при передаче информации? Ошибка Огородника? Или что-то хуже?^[56]

Питерсон вылетала из Москвы поспешно, в той одежде, которая была на ней вечером, во время задержания. В Вашингтоне она купила новое платье. В понедельник, 18 июля, менее чем через 72 часа после московского провала, она поднялась по ступенькам к главному входу штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. На новой фотографии для пропуска, снятой тем утром, она немного неуверенно улыбается, но взгляд у нее ясный и живой. Во время расследования звучали те же вопросы, что она сама задавала себе: о встречах, которые пропустил Огородник, о появлении менее качественных фотографий, о необъяснимых событиях в парке и о женщине с “конским хвостом”. В коридоре она встретила Фултона, своего наставника, – впервые с тех пор, как он уехал из московской резидентуры. Они обнялись, пытаясь справиться со слезами; у них не хватало слов, чтобы выразить печаль, которую оба чувствовали.

Затем Питерсон поднялась на седьмой этаж, где находился большой кабинет адмирала Стэнсфилда Тернера, нового директора ЦРУ. Он был назначен четыре месяца назад и пока осваивался на новой работе. На публике Тернер демонстрировал напор, но в личном общении был приветлив и сдержан. Он сел в конце длинного стола для переговоров, отпустил сотрудника, который привел Питерсон, и жестом пригласил ее сесть в кресло справа от него. После того как она рассказала обо всем случившемся, Тернер пригласил ее пойти с ним завтра на утренний доклад к президенту Джимми Картеру. У нее будет девять-десять минут для ее сообщения.

Во вторник они вошли в Овальный кабинет⁶. Питерсон положила на журнальный столик перед Картером копию куска асфальта, в котором находились секретные материалы для Огородника, и рисунки места закладки, сделанные ЦРУ, чтобы проиллюстрировать свой рассказ. Президент слушал с огромным вниманием. В какой-то момент в беседу вступил советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский; он добавил несколько деталей, вроде имени агента (Огородник) и названия железнодорожного моста, где задержали Питерсон. Бжезинский, чей отец был польским аристократом и дипломатом в антикоммунистическом правительстве Польши перед Второй мировой войной, посвятил свою академическую карьеру изучению упадка советского коммунизма. Он, вероятно, больше других в этой комнате понимал, как ценен и необычен был этот шпион. “Я восхищаюсь вашим мужеством”, – сказал Бжезинский Питерсон на прощание. Десять минут растянулись больше чем на двадцать. Питерсон вышла из Овального кабинета одна, и ей пришлось попросить секретаря Белого дома помочь найти выход на улицу. В тот же день Тернер прислал ей неформальную, написанную от руки записку с благодарностью: “Вы единственный человек, кто встретился лицом к лицу с КГБ и с президентом США, и все это – за три дня, – писал он. – Я восхищаюсь и поздравляю вас”.

---

⁶ Рабочий кабинет президента США в Белом доме. – Прим. пер.

Но на самом деле ее высылка стала для Тернера предметом серьезных раздумий. Происшедшее в Москве означало: что-то пошло не так.

Стэнсфилд Тернер вырос в Хайленд-Парке, штат Иллинойс; это был небольшой богатый городок на берегу озера к северу от Чикаго, с солидными домами и зелеными улицами. Его отец Оливер – бизнесмен, выбившийся из низов, – забил весь дом книгами. Мать воспитывала в Стэнсфилде честность и прямоту. Он завоевал звание “орла-скаута”⁷ и стал президентом своего класса в старшей школе, поступил в Амхерстский колледж и, благодаря протекции отца, был принят в Военно-морскую академию США. В июне 1946 года Тернер закончил академию 25-м на курсе из 841 человека. Он занимал первые позиции по пригодности к службе – лидерским качествам, честности, надежности и другим данным старшего офицера. Но Тернер тяготился академическим образованием, ориентированным в основном на инженерное дело, мореплавание и науки. Его интересы были куда шире. И вместо того, чтобы вступить на военно-морское поприще, Тернер выиграл престижную стипендию Родса в Оксфордском университете, где стал изучать политику, философию и экономику⁵⁷¹.

Вернувшись на флот, Тернер служил на эсминцах, но оказалось, что он с трудом переносит рутину корабельной жизни. Ему хотелось масштабных дел, быть в центре перемен. В 1950-х годах новый начальник штаба ВМС Арли Бёрк поручил ему собрать группу молодых офицеров, которые сформулируют, что не в порядке с американским флотом и как это исправить. Задача для Тернера была захватывающей. Потом, в 1960-х, когда в моду вошел системный анализ, ему поручили работать с группой “вундеркиндов” при Роберте Макнамаре⁸. В 1970 году новый глава ВМС адмирал Элмо Зумвалт назначил Тернера руководить новыми проектами, которые запустил в первые два месяца своей службы. Занимаясь всеми этими заданиями, Тернер утвердился во мнении, что армия зашорена и отчаянно нуждается в новом мышлении. Однажды он, применив системный анализ, рассмотрел методы траления мин и показал, что лучше и быстрее это делать с вертолета, а не с корабля. Однако тернеровская жажда перемен часто сталкивалась с инерцией, особенно в годы войны во Вьетнаме, когда армейский дух и дисциплина были ослаблены поражениями и слабой поддержкой на родине. В 1972 году Тернера назначили командиром Военно-морского колледжа, и он не упустил возможности реформировать учебную программу, сделав ее более строгой и требовательной. Где бы он ни служил, он ставил во главу угла дисциплину и ответственность.

На одном курсе с Тернером в Военно-морской академии учился довольно застенчивый худощавый парень с захолустной ореховой плантации в Джорджии – Джимми Картер. Он тоже подавал заявку на стипендию Родса, но не получил ее. Картер закончил учебу 59-м на своем курсе. Он служил на ядерной подлодке, потом занялся фермерством и стал губернатором Джорджии. В 1973 году Тернер предложил Картеру выступить в военном колледже и был впечатлен его речью. На следующий год, в октябре 1974 года, они снова встретились, в офисе у Картера в Атланте. Картер полчаса без передышки забрасывал Тернера вопросами о состоянии американской армии и флота. По окончании разговора Картер сказал: “Кстати, послезавтра я объявлю, что буду баллотироваться в президенты Соединенных Штатов”.

Картер победил в президентской кампании 1976 года, призвав к доверию нацию, измотанную войной во Вьетнаме и Уотергейтским скандалом. Он предъявил свежий, моралистический подход к государственному управлению: “Я никогда не буду лгать” – и отмежевался от грязных вашингтонских скандалов. Среди них, по мнению Картера, было раскрытие (начиная с конца 1974 года) незаконной слежки ЦРУ за американскими гражданами, в том

---

⁷ Высший ранг у американских бойскаутов. – *Прим. пер.*

⁸ “Вундеркиндами” прозвали группу молодых экспертов из корпорации RAND, которых собрал министр обороны Роберт Макнамара, чтобы выработать новую, более современную оборонную стратегию ядерной эпохи. – *Прим. пер.*

числе за антивоенными активистами. В следующие 16 месяцев были проведены три отдельные расследования работы ЦРУ, вскрывшие и другие неблагоприятные операции. Когда Картер принес присягу в январе 1977 года, ЦРУ все еще трясло от этих проверок^[58]. У управления было три директора за четыре года. Последний из них, Джордж Буш, республиканец, назначенный президентом Фордом, был человеком приятным, в ЦРУ его любили, и он хотел остаться на своем посту. Но Картер требовал начать с чистого листа. Сначала он выбрал для замены Буша Теодора Соренсена, юриста-демократа, который был спичрайтером у Кеннеди. Но Соренсен снял свою кандидатуру, когда стало известно, что он отказался от службы в армии из-за своих убеждений, и в конгрессе образовалась группа противников его назначения.

К этому моменту Тернер был четырехзвездным адмиралом и служил командующим союзных войск НАТО в Южной Европе. Когда ему позвонили и пригласили приехать в Вашингтон, он надеялся, что его кандидатуру рассматривают на должность начальника или заместителя начальника штаба ВМС. Картер же, радушно приняв Тернера в своем личном кабинете в Белом доме, попросил его возглавить ЦРУ^[59]. К этому Тернер не был готов; он возразил, что может лучше проявить себя на военной должности. Но он быстро понял, что Картер уже принял решение. Именно военная карьера Тернера, его репутация принципиального и дисциплинированного командира импонировали новому президенту, обещавшему открыть новую страницу в истории ЦРУ. Тернер принял руководство ЦРУ, но говорил, что из кабинета «вышел в полном замешательстве»^[60].

В первые месяцы на своих новых постах и Тернер, и Картер восхищались поразительными технологическими достижениями вроде совершившего революцию спутника КН-11: он напрямую передавал электронные изображения на землю, тогда как прежде спутники отстреливали контейнеры с пленкой, которые затем во время падения подхватывали самолеты. Изображения с КН-11 можно было разглядывать в реальном времени, а не через несколько дней или недель. Так совпало, что первые изображения с него ЦРУ получило всего через несколько часов после инаугурации Картера. На следующий день президенту продемонстрировали их в Центре слежения в Белом доме. «Это была изумительная система, – вспоминал потом Тернер, – как телевидение в космосе, которое практически мгновенно передавало картинку»^[61]. Тернер видел в техническом сборе информации будущее. Он хотел, чтобы разведанные можно было получать в ту же минуту, когда они нужны.

Работая в ЦРУ, Тернер имел привычку забирать домой на выходные проекты докладов национальной разведки и делать в них пометки красным карандашом. Эти доклады – результат обработки разведанных самого высокого уровня, который ЦРУ представляет ключевым руководителям правительства. Они отражают результаты как разведывательной деятельности, так и анализа, и, как правило, десятки сотрудников работают над ними и отшлифовывают их до того, как их распространить. Чтобы директор уносил их домой и лично редактировал – это было неслыханно. Кроме того, Тернер демонстрировал независимый взгляд на происходящее в мире и склонность к анализу. Он подвергал серьезным сомнениям мрачные оценки военных относительно разрастания советской военной угрозы. Это чрезвычайно раздражало Пентагон, но Тернер утверждал, что в ряде отношений американские силы имеют заметное превосходство, которое следует учитывать. Он хотел видеть хорошо сбалансированный баланс, а не просто каталог свежих советских угроз^[62].

Однако Тернер был совершенно не готов к столкновению с опасным миром разведки. Шпионаж подразумевал необходимость убеждать людей предать свою страну и выкрадывать ее секреты. В отличие от большинства других ведомств при правительстве США, предназначение ЦРУ состояло в том, чтобы нарушать законы других стран. Люди, занимавшиеся этим на секретной службе, верили, что служат благородной цели. Тернер никогда не понимал их, а они воспринимали его как фигуру далекую и чуждую. Роберт Гейтс, некоторое

время работавший референтом Тернера, вспоминал, что “культурный и философский разрыв между Тернером и секретной службой был попросту слишком велик и потому непреодолим”^[63]. Тернер говорил, что хочет, чтобы в ЦРУ были более высокие этические нормы и эффективная структура, как в корпорации. Но работников разведки отталкивали его проповеди и морализаторство. Их работа часто бывала грязной и жестокой. А еще они негодовали, что Роберт “Расти” Уильямс, один из ближайших помощников Тернера, совал свой нос в их личные дела, расспрашивал об интрижках и разводах, которые были обычным делом в жизни оперативников, полной стрессовых ситуаций^[64]. Кроме того, в 1977 году Тернер сократил сотни должностей в секретной службе. Сокращения давно назрели – после войны во Вьетнаме штаты управления были раздуты, однако Тернер провел их бесцеремонно и грубо. Многие ветераны были обижены до глубины души^[65]. “Его никогда в полной мере не убеждали доклады агентов, – вспоминал сотрудник ЦРУ, тесно работавший с Тернером. – Иногда это шло на пользу, иногда – нет. Он считал, что больше пользы от технической разведки, что она более надежна”.

Через несколько недель после встречи с Марти Питерсон в Овальном кабинете Тернер утвердился в своих подозрениях, что с московской резидентурой что-то не так.

26 августа 1977 года Дик Комбс, сотрудник политического отдела посольства США, задержался вечером на работе – он готовил отчет. Его кабинет находился на том же седьмом этаже, где и резидентура ЦРУ. Вдруг в кабинет ворвался охранник-морпех и спросил у Комбса: “Чувствуете запах дыма?” Комбс попыхивал трубкой и никаких больше запахов не слышал. Но вскоре он понял, что на восьмом этаже, прямо над ним, разгорается пожар. Он начался в нерабочее время, в экономическом отделе загорелся трансформатор. Здание посольства уже не первый год было пожароопасным. После недавнего капремонта были установлены панели из легковоспламеняющихся материалов, и охранники не смогли сами погасить огонь с помощью огнетушителей. Московские пожарные приехали не сразу, причем первые прибывшие, похоже, были плохо подготовлены, техника у них была старая, а брандспойты дырявые. Посол Малколм Тун примчался в офис с дипломатического обеда, в смокинге. Он стоял внизу, а его заместитель Джек Мэтлок бросился на девятый этаж. Мэтлок, книголюб, пытался спасти свою библиотеку от разгорающегося пожара. Потом прибыли более опытные пожарные, в том числе сотрудники КГБ, которые определенно знали, что в здании находится резидентура ЦРУ. Они надеялись завладеть конфиденциальными документами или попасть в секретные зоны. Когда возникло опасение, что огонь может охватить все этажи, посол распорядился найти шефа резидентуры Хэтэуэя и передать ему приказ покинуть здание. Сотрудник обнаружил Хэтэуэя на седьмом этаже. Тот, одетый в дождевик *London Fog*, с перепачканным сажей лицом, охранял резидентуру, преграждая путь “пожарным” из КГБ, которые могли вломиться в офис. Он отказался сдвинуться с места, несмотря на приказ посла^[66].

Как вообще начался пожар? В штаб-квартире ЦРУ знали, что советские власти регулярно бомбардируют их московское посольство микроволновыми сигналами. Тернер постоянно поднимал эту тему и говорил, что его беспокоит “облучение” в посольстве. Кроме того, после пожара Тернер задумался, не мог ли КГБ специально спровоцировать возгорание, если не “облучением”, то каким-то иным способом. Что там вообще происходит? Сначала потеря Огородника, теперь загадочное воспламенение и “пожарники” из КГБ.

А неприятности продолжались. В сентябре московская резидентура потеряла еще одного агента – Анатолия Филатова, полковника советской военной разведки, который начал работать на ЦРУ в годы службы в Алжире. Филатов обменивался пакетами со своим куратором из ЦРУ – это была “автомобильная передача”, быстрый обмен предметами между двумя машинами, едущими рядом. Сотрудники КГБ наблюдали за этим из засады. Филатова арестовали, а оперативника ЦРУ и его жену выслали из страны^[67].

Тернер был ошеломлен. Неужели КГБ прослушивает их переговоры? Или его агенты внедрились в московскую резидентуру? Что, если где-то там “крот”? Тернер считал: когда система не работает, ее следует чинить. То же самое он намеревался сделать в ЦРУ. Он пошел на экстраординарные меры, приказав заморозить операции ЦРУ в Москве. Это был полный отбой: московской резидентуре было приказано не контактировать ни с какими агентами и не выполнять никаких оперативных действий.

Ничего подобного с “советским” отделом ЦРУ ранее не происходило. Тернер требовал, чтобы работа была остановлена до тех пор, пока отдел не гарантирует, что никаких сбоев больше не будет. Многие сотрудники секретной службы были в недоумении: Тернер что, не понимает сути шпионажа? Оперативники и агенты в принципе не могли устранить все риски. У них не могло быть никаких гарантий от провала^[68].

Хэтэуэй в Москве был в бешенстве. Решение Тернера казалось непостижимым. Оно противоречило всем жизненным принципам Хэтэуэя, его чувству долга и склонности к агрессивным разведывательным операциям. Теперь оперативники Хэтэуэя, вместо того чтобы работать с агентами, вынуждены были сидеть сложа руки. Хэтэуэй старался занять их, чем мог: поиском новых мест для тайников, составлением карт, подготовкой к тому дню, когда они смогут возобновить работу со своими агентами^[69].

Между тем резидентура начала терять свои источники. Одним из них был ценный доброволец, с которым работа велась с начала 1960-х, – Алексей Кулак, сотрудник КГБ по научно-технической разведке, получивший от ФБР кодовое имя “Федора”. В СССР Кулак был героем войны, после нее он поступил на работу в КГБ и получил назначение в Нью-Йорк. Там Кулак в марте 1962 года пришел в отделение ФБР и предложил работать на Соединенные Штаты за деньги. Он страдал избытком веса, любил обильно поесть и крепко выпивал. Кулак дважды служил в Соединенных Штатах, и в те годы ФБР считало его надежным источником. Но к середине 1970-х бюро начало терять к нему доверие, подозревая, что его контролирует КГБ^[70]. В 1976 году Кулак готовился к возвращению в Москву, после которого, вероятно, уже не попал бы в Штаты. Хэтэуэй, который тогда вот-вот должен был вступить в должность начальника московской резидентуры, поехал в Нью-Йорк, чтобы лично завербовать Кулака для работы на ЦРУ. Встреча, проходившая в гостиничном номере, была весьма напряженной: сотрудник ФБР распекал Кулака, Хэтэуэй же пытался завоевать его доверие. Хэтэуэй победил, и Кулак согласился работать на ЦРУ по возвращении в Москву. Он выехал из Соединенных Штатов, имея при себе карту тайников и мест подачи сигналов. В ЦРУ присвоили ему псевдоним *СККАУО* – “Нокаут”.

В начале июля 1977 года он впервые сделал закладку в московском тайнике, и содержимое было ошеломительным. Кулак передал рукописный перечень советских чиновников в США, которые занимались кражей научных и технических секретов. Многообещающим было его намерение осенью предоставить “списки всех советских чиновников и ученых по всему миру, вовлеченных в сбор научно-технической информации США”, а также пяти- и десятилетние планы управления научно-технической разведки КГБ. Это могло стать золотой жилой – проект КГБ на десять лет вперед по одному из главных вопросов того времени, краже западных технологий.

В соответствии с графиком осенью Кулак подал сигнал о закладке тайника. Но к этому моменту Тернер уже дал отбой всем операциям, и резидентура не ответила. Кулак дал сигнал повторно. Резидентура не реагировала. Хэтэуэю осталось лишь наблюдать за тем, как будет “профукан” ценный агент. Операция была загублена^[71].

Мужчина, обратившийся к Фултону на заправочной станции, 10 декабря 1977 года стоял на углу у одного из московских рынков, рассматривая номера всех автомобилей и пытаясь найти префикс D-04, который получали машины американских дипломатов.

Больше года назад он услышал поразительный репортаж в передаче “Голоса Америки”, который ловил коротковолновым приемником у себя дома. Он узнал, что советский летчик Виктор Беленко перелетел на перехватчике МиГ-25 с советской авиабазы на Дальнем Востоке в гражданский аэропорт в Японии и стал перебежчиком. Это был дерзкий побег, и Беленко вслед за тем получил убежище в Соединенных Штатах. Он стал настоящим кладом разведанных для американцев, рассказав удивительные новые подробности о грозном и загадочном советском перехватчике, разработанном, чтобы догонять и сбивать американский самолет-разведчик SR-71 (*Blackbird*) на большой высоте. Американско-японская команда инженеров разобрала самолет Беленко и сделала новые находки, особенно по части радара и бортовой электроники^[72].

У русского, стоявшего на углу улицы, в кармане было письмо. С января он пытался вступить в контакт с ЦРУ, выискивая автомобили американцев. Начиная с первого обращения на заправке, он еще четырежды делал попытки, но всякий раз его либо игнорировали, либо он получал отказ. Потом он уехал в длительную командировку и потерял объект своих преследований. А теперь снова стал искать американцев.

У рынка он заметил машину с нужным номером. Из нее вышел сотрудник посольства. Мужчина быстро подошел к нему, вручил письмо и стал умолять, чтобы его доставили ответственному официальному лицу.

Письмо на рынке принял дворецкий Спасо-хауса, корпулентный мужчина, управлявший московской резиденцией посла США. Он принес письмо в резидентуру, и в конверте Хэтэуэй обнаружил две отпечатанные на машинке страницы с данными о радарах советских военных самолетов.

В письме мужчина объяснял, что после побега Беленко поступили приказы модифицировать радары МиГ-25. Затем шли слова, приковавшие внимание Хэтэуэя. Мужчина писал, что у него есть доступ к разработке системы “обнаружения и поражения целей в нижней полусфере”. Он также утверждал, что может предоставить чертежи радара, который станет базовым на перехватчиках вроде скоростного МиГ-25.

Автор письма в очередной раз изложил схему возможного контакта и указал, что будет ждать его 9 января 1978 года – в новом году.

Он написал, что хочет “сделать то же, что сделал Беленко”. Но так и не назвал.

На следующее утро Хэтэуэй пошел к своему другу, который служил в посольстве военным атташе.

“Что это за чертовщина – обнаружение целей в нижней полусфере?” – спросил Хэтэуэй, сразу перейдя к делу.

“Ты что, издеваешься? – отвечал друг. – Да это же, черт возьми, одна из самых важных вещей на планете!”^[73]

Такой радар позволял бы советскому самолету, набравшему большую высоту, замечать низколетящие самолеты или ракеты на фоне земли. В то время, как считалось, советские военные самолеты такой способностью не обладали; у МиГ-25, на котором улетел Беленко, ее не было. Более того, советские наземные радары также не могли различать цели на малой высоте, и Соединенные Штаты много лет готовились воспользоваться этой уязвимостью с помощью маловысотных бомбардировщиков или усовершенствованных крылатых ракет, способных летать вне поля зрения советских радаров.

Хэтэуэя расстраивали бездействие и страхи Тернера. “Да что такое с этой штаб-квартирой? – спрашивал он. – Они с ума сошли! Что мы тут, на заднице сидеть будем?”

Хэтэуэй испытывал здоровое уважение к КГБ, но понимал, что это не всесильная организация, и он был уверен, что ЦРУ в состоянии работать с агентами в Москве. “Нужно понимать, что все в резидентуре, до последнего человека, точно знали: мы можем работать

против этих людей”, – говорил он. Хэтэуэй считал, что Тернеру не хватает хороших советников. Он настоял, чтобы Тернер прислал своего помощника Уильямса в Москву. Как только тот прибыл, Хэтэуэй вывез его в город, чтобы продемонстрировать, как уходят от слежки КГБ, и показать тем самым небрежную работу его сотрудников, даже при плотном наблюдении. Хэтэуэй и Уильямс слушали радиопереговоры КГБ с помощью разработанных ЦРУ раций. “Мы встали на красный свет и услышали: “Помидор!” Эти тупицы кричали о красном свете”, – вспоминал Хэтэуэй. Он отправил Уильямса в Лэнгли с просьбой: разрешить московской резидентуре вернуться к жизни. Уильямс как будто понял его доводы. Но Тернер был непреклонен, и бездействие продолжалось.

После того как человек с заправки передал донесение о радаре для “обнаружения целей в нижней полусфере”, в ЦРУ ему присвоили кодовое имя CKSPHERE – “Сфера”.

Хэтэуэй добивался от центра, чтобы те проанализировали переданную “Сферой” информацию. Из предыдущих двух записок было ясно, что он инженер, работающий в сверхсекретной военной исследовательской лаборатории.

29 декабря из штаб-квартиры поступила внутренняя записка с оценкой ситуации. Необходимо было решить, может ли инженер предложить что-то важное. Но оценка головного офиса была двусмысленной:

Предмет сообщений Источника – бортовые радиолокационные станции, или радары, – чрезвычайно важен. Говоря об РЛС, “способной работать на фоне земли”, он имеет в виду систему “обнаружения целей в нижней полусфере”. Мы знаем, что у Советов нет достаточно эффективного радара для обнаружения целей на фоне земли и что они бросили много сил на решение этой проблемы. Действенная РЛС, способная обнаруживать цели в нижней полусфере, стала бы серьезной угрозой как для бомбардировщиков В-52, так и для крылатых ракет, и информация о передовых советских разработках в этой области соответствует весьма высокоприоритетным разведывательным требованиям. Его предложение предоставить чертежи и наброски имеющихся систем оказало бы значительное содействие анализу.

Однако в заключении говорилось:

Информация, полученная от “Сферы”, представляет разведывательный интерес, однако получение ее правительством США не нанесет серьезного ущерба СССР^[74].

Хэтэуэй был потрясен. Как могли в штаб-квартире не заметить того очевидного факта, что информация инженера как раз и нанесет Советскому Союзу значительный ущерб? 3 января 1978 года, всего за шесть дней до предполагаемой встречи, Хэтэуэй направил в главное управление письмо с собственными аргументами:

Если информация “Сферы” о текущем состоянии советских РЛС для обнаружения целей в нижней полусфере точна, разработка эффективного радара такого типа должна быть для СССР одним из самых приоритетных направлений в свете угрозы крылатых ракет. Если Советы разработают действенный радар такого типа, не будет ли тогда подробная информация о нем относиться к категории “наносающей серьезный ущерб СССР”? Разве подробная информация о нем не поможет США противостоять его действию? Иными словами, если допустить, что “Сфера” говорит правду о себе и его положение позволяет ему следить за советскими разработками эффективного радара, не будет ли это оправдывать риск ПНГ?^[75]

Под “ПНГ” подразумевалась возможность высылки оперативника или объявления его персоной нон грата, как произошло с Питерсон.

Хэтэуэй был уверен, что информация “Сферы” слишком ценна, чтобы КГБ стал использовать ее как приманку. Они не стали бы так разбрасываться военными секретами. Готовясь к встрече 9 января, команда Хэтэуэя отправила в головной офис ее подробный сценарий, добиваясь разрешения вступить в контакт со “Сферой”. Они предлагали поговорить с ним лично, спросить инженера о том, кто он, чего хочет и есть ли у него еще информация. В частности, резидентура хотела расспросить его о военной разработке, которую он упоминал в своей декабрьской записке. Тогда инженер отметил, что может добыть чертежи советского радарного комплекса под кодовым названием “Аметист”, который, по его словам, становится базовой РЛС для перехватчиков вроде МиГ-25. Они также планировали выжать из него побольше информации о радаре, способном обнаруживать цели в нижней полусфере. В зависимости от того, сколько времени займет разговор, они намеревались составить график следующих встреч с интервалом в тридцать дней и выбрать для них четыре возможных места. Инженеру планировалось предложить, чтобы он, как и прежде, кидал конверты в окно автомобиля^[76].

Хэтэуэй жаждал вернуться к разведывательным операциям, снова взяться за шпионские дела. Он следовал правилам Гербера: нужно проверять добровольцев, не отмахиваться от них просто так.

План попал к Тернеру 3 января 1978 года. На нем стояли штампы: “СЕКРЕТНО” и “ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: КАСАЕТСЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ И МЕТОДОВ”.

В кратком меморандуме, описывающем план, говорилось, что “Сфера” – это “советский инженер средних лет, который пять раз обращался в московскую резидентуру начиная с января 1977 года”. В документе подчеркивалось, что московская резидентура не реагировала на эти обращения, поскольку во время первых четырех из них мужчина “никак не попытался” объяснить, кто он, и поскольку имелись подозрения, что это провокация КГБ. Также меморандум ссылался на желание избежать инцидентов, пока администрация Картера только осваивалась на новом месте. Но, отмечалось в меморандуме, “Сфера” предоставил гораздо больше информации в своей последней записке, которую передал на рынке 10 декабря 1977 года.

Действительно ли это столь важные разведданные? В меморандуме, как и в присланной из главного управления оценке, не было на этот счет чрезмерного энтузиазма. Новости по радару МиГ-25 “не наносят серьезного вреда советскому правительству”, говорилось там, хотя радар для обнаружения целей в нижней полусфере представляет “приоритетный разведывательный интерес”.

В разделе “Риски” указывалось, что следует действовать осторожно:

У нас нет доказательств, что “Сфера” – это провокатор, но его поведение в некоторых деталях похоже на предыдущие случаи, когда был выявлен контроль КГБ. Даже если он изначально действовал добросовестно, его неоднократные попытки вступить с нами в контакт могли сделать его объектом тайного наблюдения КГБ. Добросовестность и потенциал “Сферы” в лучшем случае не доказаны – в отличие от уже имеющихся источников в Москве, с которыми мы не имели возможности вступить в контакт за время прекращения операций.

Тернеру предлагалось два варианта. Вариант Б – продолжать разработку и встретиться с агентом 9 января. Но в заключении меморандума говорилось: “Мы рекомендуем вариант А – не делать ничего”. Почему? Это слишком рискованно. Если произойдет сбой, говорилось в записке, это может привести к высылке еще одного оперативника, к продлению запрета на операции или даже к закрытию московской резидентуры. Тернеру рекомендовали: главной

обязанностью и задачей резидентуры должен быть не контакт с инженером, а “возобновление безопасного и продуктивного контакта с проверенными источниками в Москве”.

Тернер был согласен: нужно действовать по варианту А.

“Не делать ничего”^[77].

Глава 4 “Наконец-то я дозвонился”

Инженер, однако, не сдавался. 16 февраля 1978 года – больше чем через год после первого обращения на заправке – Хэтэуэй выехал из посольского комплекса на боковую улочку. На темном перекрестке он притормозил. И в это время в боковое стекло постучали. Жена Хэтэуэя Карин, сидевшая рядом, взгляделась в темноту и опустила стекло. Снаружи стоял инженер, который наклонился к машине и просунул в окно конверт. “Передайте послу”, – торопливо сказал он по-русски. Конверт упал Карин на колени. Инженер быстро повернулся и исчез. Хэтэуэй совершил разворот на сто восемьдесят градусов, вернулся в посольство и отнес конверт в резидентуру.

В конверте было новое письмо от инженера. Он писал, что чувствует, будто попал в порочный круг: “По соображениям безопасности я боюсь рассказывать много о себе, а без этой информации вы, по соображениям безопасности, боитесь вступать в контакт со мной из-за возможных провокаций”. Дальше он нацарапал свой домашний номер телефона, кроме последних двух цифр. В определенный час в течение следующих недель он обещал стоять на автобусной остановке с фанерной дощечкой в руках. На ней будут написаны две оставшиеся цифры.

Чтобы не рисковать, посмотреть на цифры отправили одного оперативника пешком, а также жену Хэтэуэя Карин на машине. Она проехала мимо автобусной остановки, заметила мужчину и записала две цифры^[78].

Хэтэуэй снова потребовал от штаб-квартиры разрешения отреагировать. Отбой был по-прежнему в силе, но Хэтэуэй просил одобрения для простейшего действия – вступления в контакт. Так вышло, что как раз когда инженер решился на новый подход, из Пентагона в ЦРУ пришел меморандум, выражающий большую заинтересованность в любых разведанных о радиоэлектронике и системах вооружений советских самолетов.

Это решило дело. Главное управление уступило и дало резиденту “зеленый свет” на контакт с инженером.

Хэтэуэй решил, что надо звонить из телефона-автомата на улице, хотя понимал, что это рискованно: если КГБ заметит, как сотрудник ЦРУ пользуется уличным телефоном, звонок могут отследить. У каждой телефонной будки был свой номер, и группа наблюдения КГБ без труда могла запросить немедленное отслеживание разговора. 26 февраля оперативник московской резидентуры долго ездил по городу, избавляясь от слежки КГБ, и затем позвонил инженеру домой из автомата. На звонок ответила женщина, и оперативник положил трубку. Через два дня он предпринял еще одну попытку – с тем же результатом^[79].

Вечером 1 марта, в густых сумерках, инженер подошел к Хэтэуэю и его жене, когда они садились в автомобиль в Большом Девятинском переулке – усаженной деревьями улочке по соседству с комплексом посольских зданий. Отпирая дверь со стороны водителя, Хэтэуэй увидел, как подходит инженер, узнал его и протянул левую руку. Инженер быстро вложил ему в руку обмотанный лентой пакет и сказал по-русски: “Пожалуйста”. “Спасибо”, – ответил также по-русски Хэтэуэй. Он заметил примерно в двадцати метрах от инженера какого-то пешехода, но вряд ли передачу можно было разглядеть в темноте. Инженер прошагал мимо без остановки и затем нырнул в другой переулок. Хэтэуэй вернулся в резидентуру – сказав охраннику у ворот, что “кое-что забыл”, – и там открыл пакет.

В нем он нашел шесть листов, исписанных с обеих сторон от руки, по-русски, всего – 11 страниц текста. Как и прежде, они были обернуты еще двумя листами бумаги, так что получился конверт примерно восемь на десять сантиметров, запечатанный белой бумажной

лентой и светло-коричневым клеем. На внешней стороне конверта было несколько слов на английском – просьба передать его ответственному лицу в американском посольстве.

Это был прорыв, которого ждали.

Инженер раскрыл свою личность. Он писал:

Поскольку 21 февраля 1978 года вы не позвонили мне ни с 11.00 до 13.00, ни позже и поскольку тем же вечером автомобиль D-04–661... был припаркован у дома номер пять по Большому Девятинскому переулку, я предполагаю (хотя это кажется неправдоподобным), что недостающие цифры моего номера, показанные мной на дощечке возле дома номер 32, не удалось разглядеть из проезжающей машины и записать. Чтобы устранить всякие сомнения, я сообщаю основную информацию о себе. Я – Толкачев Адольф Георгиевич, родился в 1927 году в городе Актюбинске (Казахская ССР). С 1929 года я живу в Москве. В 1948 году я закончил оптико-механический техникум (отделение радиолокации), а в 1954-м – Харьковский политехнический институт (радиотехнический факультет). С 1954 года я работаю в НИИР (п/я А-1427). В настоящее время работаю в объединенной лаборатории в должности ведущего конструктора. (В лаборатории существует следующая иерархия должностей: лаборант, инженер, старший инженер, ведущий инженер, ведущий конструктор, заведующий лабораторией.) Мой рабочий телефон: 254–85–80. Рабочий день с 08.00 до 17.00. Обед с 11.45 до 12.30.

Моя семья: жена (Кузьмина Наталья Ивановна), 12-летний сын (Толкачев Олег)^[80].

На всякий случай Адольф Толкачев еще раз указал свой домашний телефон: 255–44–15 и домашний адрес: площадь Восстания, 1 – заметная высотка рядом с посольством, он жил там с 1955 года. В здании было несколько выходов, поэтому он добавил: “Вход в центре здания со стороны площади”.

Толкачев также проинструктировал, как ему звонить, чтобы не быть раскрытым. Если звонит мужчина, он должен назваться Николаем. Если женщина – Катей. Толкачев писал, что “многие часы бродил по улицам” в поисках машин с дипломатическими номерами США и, даже обнаружив таковую, часто не решался оставить записку из страха, что попадется. Он писал, что теперь отчаянно ждет положительной реакции на свои столь длительные усилия и если в этот раз ее не получит, то бросит свою затею^[81].

В записке Толкачев предоставил драгоценные новые сведения, намного превосходящие все то, что можно было бы собрать иными методами. Он воспроизвел цитаты из сверхсекретных документов и рассказал новые подробности о системе обнаружения целей в нижней полусфере. В записке была чрезвычайно важная идентифицирующая информация: почтовый ящик института, где работал Толкачев, – А-1427.

Теперь ЦРУ могло подтвердить, что Толкачев – разработчик в одном из двух НИИ, где создавались советские военные радары, прежде всего размещаемые на истребителях, – в Научно-исследовательском институте радиостроения, известном под аббревиатурой НИИР. От его квартиры до института было примерно двадцать минут пешком.

Пришло время дать ему положительный ответ. Наконец-то московская резидентура снова была в игре.

Оперативника, звонившего Толкачеву из телефона-автомата, звали Джон Гилшер. Это был красивый, спокойный и сдержанный мужчина 47 лет, с темными бровями и седеющими волосами, которые он зачесывал назад. Он любил природу и когда-то мечтал стать лесничим, но события в России распорядились его жизнью иначе.

Семьи и состояния родителей Гилшера, его дедов и бабок были разрушены российскими катаклизмами прошлого столетия – войнами, революцией и эмиграцией. Его родители, Георгий и Нина, дети из аристократических семей, выросли в Петрограде, когда жизнь

двора уже угасала. Они знали друг друга с детства. Георгий учился в Императорском лицее, затем служил в министерстве финансов. Когда большевики захватили власть, он воевал с ними в составе одной из белых армий, поддерживаемых американцами и британцами. Его брат тоже служил у белых и погиб в начале войны. Георгий единственный из всей семьи пережил войну. Он бежал вместе с побежденными белыми в Константинополь, в 1923 году оказался в Нью-Йорке, где воссоединился с Ниной, которая со многими мытарствами сумела уехать из страны после пяти лет нищенского, отчаянного существования в послереволюционном Петрограде. Они поженились в Нью-Йорке в 1927 году; Георгий стал работать технологом в компании *Ingersoll Rand*, выпускающей промышленное оборудование.

У них было трое детей, Джон был вторым сыном в семье. Он вырос на 122-й улице в Нью-Йорке в предвоенные годы. После Второй мировой войны семья переехала на Лонг-Айленд. В летнюю жару они уезжали к тете в Корнуолл, штат Коннектикут. Хотя в России их семьи были весьма обеспеченными, в Америку они прибыли без гроша, и в первые годы им приходилось туго. Когда Джон и его брат были маленькими, они, как вспоминала сестра, часто щеголяли в чистых, отутюженных матросских костюмчиках, которые должны были свидетельствовать о достатке в семье. На самом деле у мальчиков не было другой одежды, и эти костюмчики мать стирала и гладила каждый вечер. Дома говорили по-русски, отец любил вести беседы с друзьями о литературе и политике в Старом Свете. У него был дневник, куда он записывал памятные события в истории России, в том числе даты принятия указов, дни рождения знаменитых писателей и других известных людей, а также святых на каждый день. Он собирал русские марки и водил сыновей по музеям. Джон Гилшер никогда не был в России, но она была вокруг него^[82].

В 1945 году, когда Джону было пятнадцать лет, отец внезапно умер от сердечного приступа. Гилшер поступил в Коннектикутский университет и получил стипендию на изучение лесоводства. Летом он помогал матери, устраиваясь на временную работу (как-то ему довелось чистить угольные печи). Его брат поселился далеко от них, на Аляске, и Джон ездил к нему в гости, где был заворожен огромным небом и необъятными просторами. Когда началась война в Корее, Джон записался в армию, но на службе выполнял задания Агентства национальной безопасности. В 1955 году, закончив службу, он перешел на работу в ЦРУ и получил назначение в Лондон, где работал на прослушке берлинского туннеля.

Перед отъездом в Лондон он познакомился и влюбился в красивую молодую женщину Кэтрин, по прозвищу Кисса. Она также происходила из русской дворянской семьи. Ее отец бежал от большевиков и поселился в Белграде, где и родилась Кисса. Семье снова пришлось срываться с места во время потрясений Второй мировой; на этот раз они бежали в Соединенные Штаты. Еще подростком Кисса успела пострадать от бесчинств как коммунистов, так и нацистов, и она жаждала лучшей жизни. Она познакомилась с Джоном летним вечером в Вашингтоне, где училась в Университете Джорджа Вашингтона. Они были обручены в течение двух лет, пока он служил в Лондоне, а она заканчивала учебу, и поженились там же, в Лондоне, в 1957 году. У Джона начиналась карьера в ЦРУ, но во время медового месяца он строил планы, как бросит разведку и осуществит свою мечту – будет лесничим на Аляске. Но Кисса этим планам решительно воспротивилась. И всю свою профессиональную жизнь Гилшер проработал в ЦРУ.

Джон говорил по-русски с легким акцентом, как уроженец Прибалтики, но превосходно владел языком, что оказалось чрезвычайно ценно в первые годы холодной войны. В 1950-х и начале 1960-х он участвовал в двух важнейших операциях ЦРУ против Советского Союза: это были берлинский туннель и разработка Пеньковского.

В 1977 году, когда Хэтэуэя назначили шефом московской резидентуры, он взял себе в сотрудники Гилшера. До того они не служили вместе, но Хэтэуэй знал о языковых способностях Гилшера. В один прекрасный день, когда Кисса и дети были на летнем отдыхе

в их доме в Коннектикуте, Джон позвонил и сообщил новость: их отправляют в Москву. Киссу новость обрадовала, несмотря на очевидные трудности. Они возвращались в страну своих предков, но не как потомки дворян, а чтобы заняться шпионажем против Советского Союза. У них не было сантиментов по этому поводу: Россию их дедов давно уничтожили большевики. Джон работал против советской страны уже 22 года, правда, за ее пределами. В этот раз все было иначе. Прежде он был офицером-переводчиком и разбирался с устными и письменными материалами. Теперь он впервые должен был стать оперативником, работать с реальными агентами в Советском Союзе. А Кисса должна была помогать ему^[83].

В Москву они прилетели 16 июля 1977 года. В аэропорту Шереметьево их встречал сотрудник посольства. После того как они прошли паспортный контроль и забрали свою собаку из ветеринарного пункта, встречавший сообщил шокирующую новость: Марти Питерсон поймали при закладке передачи и она улетает из Москвы, прямо сейчас, из этого же аэропорта. Джон мгновенно понял, что это значит: Огородник раскрыт и, вероятно, погибнет.

Несколько недель спустя в московском посольстве случился пожар, потом схватили еще одного агента, вслед за чем Тернер дал отбой всем операциям. Гилшер оказался в резидентуре не в лучшее время. Помещения были переполнены, и повсюду шли ремонтные работы.

За Гилшером КГБ вело тщательное наблюдение, более плотное, чем за большинством американцев. В его квартире были “жучки”. Когда Джон и Кисса хотели поговорить о чем-то конфиденциальном, они писали друг другу записки, причем осторожно – кладя лист бумаги на деревянную или металлическую поверхность, чтобы не оставить на следующем листе следов, которые могли впоследствии разобрать сотрудники КГБ. Джон регулярно повторял Киссе, что они должны жить в Москве тихой, будничной жизнью, воспроизводя свой график снова и снова, чтобы КГБ не замечал ничего необычного. Он опирался на уроки Хэвиленда Смита из 1950-х. Киссу эти ограничения раздражали; она была столь же живой и общительной, сколь Джон – сдержанным.

Служка КГБ порой была удивительно примитивной. Не раз Джон и Кисса открывали шкаф в поисках пальто и обнаруживали, что его нет – видимо, его забирали, чтобы вставить туда микрофон. Позже пальто загадочным образом возвращалось на место. Одним летним вечером Гилшеры решили встретиться с друзьями в подмосковном ресторане и обсудили поездку по телефону, который, как они знали, наверняка прослушивает КГБ. По дороге Гилшеры насчитали не меньше трех машин наблюдения спереди и сзади. Потом они немного заблудились. Тогда одна из машин наблюдения неожиданно свернула на боковую дорогу. И Гилшеры, не зная, куда им ехать, просто последовали за ней. Служка привела их прямо к ресторану.

Но сотрудники КГБ могли действовать и весьма изощренно. В 1978 году инспекция обнаружила в дымовой трубе в здании посольства антенну. Назначение антенны так и не удалось установить. В тот же год провели проверку печатных машинок, но специалист не нашел никаких “жучков”. На самом деле советские органы еще с 1976 года встраивали скрытые подслушивающие устройства в печатные машинки *IBM Selectric*, присылаемые из Госдепартамента для сотрудников московского посольства и ленинградского консульства. “Жучки” на интегральных микросхемах регистрировали удары по клавиатуре и пересылали эту информацию. Всего такую аппаратуру удалось установить на шестнадцать машинок, и она работала незамеченной восемь лет. Впрочем, ни одна из этих машинок не принадлежала московской резидентуре ЦРУ^[84].

Гилшер научился отличать машины наблюдения на улице. В больших “Волгах”, которыми пользовался КГБ, стоял восьмицилиндровый V-образный двигатель, рычавший не так, как четырехцилиндровые двигатели других машин. Джон также обнаружил, что на решетке

более компактных машин наблюдения, на “жигулях”, оставались характерные маленькие треугольники грязи – в тех местах, куда, видимо, не доставали щетки на автомойке КГБ.

Еще тогда, когда Гилшер готовился к назначению в Москву в штаб-квартире ЦРУ, ему показали первую записку, которую русский инженер передал Фултону на заправке. Ему показалось, что текст написан искренне, что он не похож на провокацию или ловушку. Позднее в резидентуре, в конце 1977 и начале 1978 года, Гилшер переводил записки, которые инженер передавал Хэтэуэю. Гилшер считал маловероятным, что какая-либо из них побывала в руках КГБ. Мужчина соблюдал осторожность и передавал их именно в те моменты, когда Хэтэуэй был скрыт деревьями или сугробом.

Теперь они знали, что его зовут Адольф Толкачев. Но чего он на самом деле хочет? Гилшеру предстояло это выяснить. Его выбрали в качестве первого куратора Толкачева от ЦРУ.

5 марта 1978 года, через четыре дня после того, как Толкачев передал Хэтэуэю пакет, Джон и Кисса Гилшеры отправились в Большой театр на балет “Анна Каренина”, поставленный знаменитой балериной Майей Плисецкой. Они оделись подобающим образом и сидели в ложе для дипломатов. Кисса знала, что у Джона было дело тем вечером, и, когда они сели на свои места, она с удивлением обнаружила, что в их ложе находится советская служащая из посольства по имени Галина, которая заведовала горничными, водителями и подсобными рабочими. Это была худая, маленькая, темноволосая женщина, которую Кисса хорошо знала и подозревала в работе на КГБ^[85].

Джон сказал Киссе, что во время антракта выйдет позвонить. На несколько минут, думал он, ему удастся освободиться от слезки, и он заранее приметил телефонную будку. Как только дали свет, он извинился и вышел.

Когда Джон встал, Галина, увидев это, тоже начала подниматься с места. Киссе пришлось быстро соображать. “Куда вы идете?” – спросила она. Галина ответила, что в туалет. Кисса стала отговаривать ее. Во время антракта там такая толпа! “Разве приятно там толкаться?” Это сработало: Галина согласилась, что лучше подождать несколько минут.

Этой паузы Джону как раз хватило, чтобы добраться до телефона-автомата и позвонить Толкачеву.

Гилшер решил следовать указаниям Толкачева и представился Николаем. Ему нужно было заверить Толкачева, что нужные люди получили все материалы, которые Толкачев подготовил, и что Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы узнать больше. И все это надо было проговорить так, чтобы об этом не догадались те, кто, возможно, слушает разговор^[86].

Гилшер вошел в телефонную будку и набрал номер около 10 вечера.

ТОЛКАЧЕВ. Алло.

ГИЛШЕР. Здравствуйте, это Николай.

ТОЛКАЧЕВ *(после небольшой паузы)*. Да, здравствуйте.

ГИЛШЕР. Наконец-то я до вас дозвонился. Я получил все ваши письма, спасибо. Они были очень интересные. Я непременно свяжусь с вами позднее.

ТОЛКАЧЕВ. Имейте в виду, что 9-го я уеду в командировку в Рязань, а по субботам со мной может быть трудно связаться, лучше всего звонить в воскресенье, как сейчас. *(Пауза. Толкачев, вероятно, был готов сказать что-то еще, но промолчал.)*

ГИЛШЕР. До встречи. До свидания.

ТОЛКАЧЕВ. До свидания^[87].

Гилшер вернулся и сел на свое место. Кисса вопросительно посмотрела на него: “Все в порядке?”

Да, кивнул он. Занавес поднялся, свет погас.

Хэтэуэй негодовал из-за остановки операций в Москве. Он считал, что приказ Тернера ошибочен и дорого обойдется. Волнующий первый контакт с Толкачевым, несомненно, побуждал возобновить полноценные разведывательные операции. В марте разразился кризис в связи с Алексеем Кулаком – грузным офицером КГБ, работу с которым пришлось остановить из-за отбоя. Из головного управления Хэтэуэю сообщили, что Кулаку, теперь жившему в Москве, может грозить арест, что его могут разоблачить как американского шпиона. Хэтэуэй чувствовал ответственность за Кулака, которого лично завербовал в нью-йоркской гостинице. Проблема, докладывали из штаб-квартиры, заключалась в том, что в вышедшей книге журналиста Эдварда Джея Эпштейна содержатся факты, указывающие на Кулака как на агента США. Если КГБ воспользуется этой информацией и арестует Кулака, ему будет грозить обвинение в измене, за которую полагалась смертная казнь. В штаб-квартире решили, что с Кулаком необходимо связаться и предупредить его об утечке. В спешке была разработана крайне рискованная операция, для того чтобы при необходимости вывезти Кулака из Советского Союза. Несмотря на свои опасения по поводу действий в Москве, несмотря на приказ о приостановке работы, Тернер одобрил операцию по предупреждению Кулака^[88].

Чтобы провести ее, Хэтэуэю следовало уйти от наблюдения КГБ любой ценой. Раз в неделю секретарша Хэтэуэя взяла за правило кататься вместе с мужем на коньках. Хэтэуэй загримировался под нее и даже надел лицевую маску, взял коньки и сел в машину, за рулем которой был муж его секретарши. Милиционеры у ворот ничего не заметили. Как только машина отъехала достаточно далеко от ворот, он сорвал маску и, страшно волнуясь, выскочил из машины. Он не знал, чего ждать. Увидев, что все тихо, он в течение нескольких часов петлял по холодной вечерней Москве, сбрасывая слезку. Хэтэуэй планировал предложить Кулаку бежать из Советского Союза – это называлось эвакуацией агента. Он взял с собой камеру, чтобы сделать свежий снимок Кулака для нового паспорта. Между тем московская резидентура еще никогда не проводила эвакуацию. Такие операции требовали многомесячного планирования, а у Хэтэуэя было всего несколько дней.

После нескольких часов блужданий по московским улицам, убедившись, что наблюдения нет, Хэтэуэй поднялся по ступенькам дома, где жил Кулак, и собрался позвонить в дверь. Но сидевшая там дежурная остановила Хэтэуэя. Он развернулся и ушел, вынужденный прекратить операцию. Следующим вечером он сделал еще одну попытку и позвонил Кулаку из телефона-автомата на улице. Кулак тут же узнал его характерный южный говор. Хэтэуэй сообщил об утечке, Кулак отвечал спокойно, без колебаний и без признаков страха. Он поблагодарил Хэтэуэя, но сказал, что с ним все будет в порядке, он не хочет, чтобы его тайно вывозили из страны. Больше Хэтэуэй не мог ничего сделать. ЦРУ потеряло Кулака как источник^[89].

Несмотря на такую неудачу, Хэтэуэй жаждал развивать историю с Толкачевым. 21 марта 1978 года он отправил в штаб-квартиру шифрограмму с предложением двигаться “на полной скорости”. Для начала он предложил “собрать базовый коммуникационный пакет, который на первый раз может заложить невидимка”, имея в виду оперативника, не находящегося под наблюдением. Затем ЦРУ позвонит Толкачеву и сообщит, где передачу забрать. Пакет позволит Толкачеву отсылать и получать сообщения, и, таким образом, ЦРУ сможет составить представление о том, что именно он знает и что может предложить. В передачу Хэтэуэй также собирался вложить оперативную записку с указаниями для Толкачева насчет следующих действий. Хэтэуэй считал, что личная встреча – самый быстрый способ полу-

чить все ответы, и очень хотел ее устроить. Но это был и самый рискованный путь^[90]. Тут было слишком много подводных камней. Резидентура еще мало знала о своем агенте, о том, чего он хочет или на что способен^[91].

В своей обстоятельной записке в главное управление Хэтэуэй писал о Толкачеве:

Очевидно, что его требования или условия повлияют на наше решение, как именно проводить операцию. Желает ли он обменивать информацию на деньги? Получать их за один раз или неопределенное число раз в течение какого-то времени? Будет ли он настаивать на эвакуации? Подлежит ли этот вопрос обсуждению? В какие сроки? Таким образом, не зная изначально его намерений, трудно строить детальные или долгосрочные планы. Однако по нашему впечатлению – несмотря на его замечание о Беленко, – он думает о том, чтобы передавать информацию в течение продолжительного времени, хочет камеру для более эффективной работы и жаждет наладить постоянные долгосрочные отношения. Поэтому, хотя мы должны быть готовы проявить гибкость, пока не узнаем, каковы именно условия “Сферы”, нам кажется, что сейчас наилучший вариант – придерживаться сценария прямых коммуникаций с мотивированным агентом, чьи потребности могут быть разумным и эффективным образом удовлетворены. В то же время мы попытаемся как можно скорее понять, каковы нужды “Сферы”, и внести в планы необходимые коррективы для их удовлетворения^[92].

В том же донесении Хэтэуэй затронул вопрос о том, стоит ли передавать Толкачеву миниатюрную камеру на раннем этапе операции. Камера, возможно, облегчит ему копирование документов, но создаст серьезную опасность в случае его поимки. Шпионская камера станет уликой против него. “Когда нам выдать ему камеру и какую? – спрашивал Хэтэуэй у штаб-квартиры. – Очевидно, чем раньше мы обеспечим “Сфере” возможность фотографировать и, значит, поставлять большие объемы информации, тем скорее мы сможем решить вопрос о его добросовестности”, то есть об искренности его намерений, что требовалось ЦРУ.

Но в штаб-квартире по-прежнему осторожничали. Хэтэуэю велели задействовать “как можно более простой подход”. Это означало, что пока не будет ни камеры, ни личной встречи.

В телеграмме из штаб-квартиры от 24 марта признавалось, что данные, которые Толкачев уже предоставил, “выходят за пределы того, что Советы передали бы нам, если бы это был контролируемый случай” или ловушка. Это были хорошие новости; по крайней мере, информация Толкачева прошла первую проверку. Обычно ЦРУ для оценки добросовестности неизвестного прежде источника проверяло, есть ли в его данных новая информация, и выясняло, какую ее часть можно подтвердить информацией из других источников. Однако в заметках Толкачева данные были настолько новые, что их невозможно было проверить. Они могли оказаться и неожиданной удачей, и ловушкой; и этот вопрос нелегко было разрешить^[93].

У Хэтэуэя не было выбора: оставалось действовать неторопливо, шаг за шагом. Они с Гилшером составили новый план. Главной его целью было избавиться от неопределенности по части личности агента, а также понять, какие еще “позитивные данные” – так на внутреннем жаргоне назывались плоды шпионажа – он может достать. Хэтэуэй и Гилшер писали, что надеются организовать связь с Толкачевым “таким образом, чтобы минимизировать риск для нас”, но в то же время “уменьшить риск для “Сферы” до абсолютного минимума, совместимого с нашей собственной безопасностью”. Они отмечали: “К сожалению, здесь мы сталкиваемся с дилеммой: то, что безопаснее всего для нас, может быть самым рискованным для него, и наоборот. Соответственно, мы ищем оптимальный баланс защиты – как нашей, так и агента”^[94].

Но главное управление упорно продолжало сомневаться. Внутренний анализ, проведенный в Лэнгли 13 апреля, вновь вызвал сомнения; аналитики предупреждали, что даже если первоначально обращения Толкачева в прошлом году были искренними, КГБ мог заметить его попытки вступить в контакт с ЦРУ. Он может выполнять обманную операцию КГБ, задуманную, чтобы ввести американцев в заблуждение. Вывод был таков: вероятность, что операция с Толкачевым оправданна, оценивается в пятьдесят процентов. Такое заключение было крайне тревожным сигналом для руководства ЦРУ и еще больше осложнило действия Хэтэуэя.

7 мая состоялся доклад директору ЦРУ Тернеру. Два дня спустя в Москве Гилшер позвонил Толкачеву и сказал, что надо выждать еще две или три недели, после чего он понадобится примерно на час в указанный день. Толкачев сказал, что у него нет планов на отпуск.

Он будет ждать.

8 мая 1978 года в штаб-квартире сформировалось более благосклонное отношение к московским событиям. Одно из рукописных посланий Толкачева передали в управление технических служб ЦРУ на экспертизу почерка. Эксперты отметили: «Автор интеллигентный, целеустремленный и в целом уверенный в себе человек. Он дисциплинирован, но не чрезмерно строг. Его интеллект куда выше среднего, и у него хорошие способности к организации информации. Он наблюдателен, добросовестен и уделяет тщательное внимание деталям. Он довольно самоуверен и способен порой действовать не слишком осмотрительно и тонко. В целом это разумный, уравновешенный индивид, который интеллектуально и психологически выглядит готовым к тому, чтобы стать полезным и разносторонним агентом»¹⁹⁵.

17 мая штаб-квартира направила в московскую резидентуру телеграмму с гораздо более позитивной оценкой материалов Толкачева. Аналитики ЦРУ не нашли никаких противоречий в том, что Толкачев передал им к этому моменту. Вывод гласил, что «многие детали сообщений согласуются с данными из других источников и доступным техническим анализом» и что «не наблюдается каких-либо иных данных, противоречащих деталям этих сообщений». Поэтому, продолжали авторы телеграммы, штаб-квартира испытывает «сильное искушение» принять новую информацию, предоставленную Толкачевым, в том числе и потому, что она в целом подтверждает предыдущие предположения американцев о развитии советских истребителей. Но в то же время в головном офисе оставались сомнения. В телеграмме говорилось: «Поскольку данные будут иметь большое значение для нашей оценки потенциала ПВО, мы, по крайней мере до установления добросовестности агента, не готовы доверять содержанию сообщений полностью»¹⁹⁶.

Это был успех – но все еще не «зеленый свет» для той операции, которую хотел вести Хэтэуэй. А он горел желанием приступить к делу. Прошло уже почти полтора года с момента первого обращения Толкачева на заправочной станции, и у них все еще не было с ним рабочих отношений.

Вместе с Гилшером и другими сотрудниками резидентуры Хэтэуэй начал планировать, что передать агенту в первой посылке. Если там будет список запросов на разведанные, как их сформулировать, чтобы они не были слишком откровенными? Где разместить пакет, чтобы Толкачев мог легко его забрать, а КГБ не обнаружил? Что Толкачеву следует сделать в ответ?

В резидентуре планировали использовать тайник – классический способ передачи без личного контакта. В пакете, как предполагалось, будут инструкции по подготовке трех сообщений тайнописью для ЦРУ. На одной, «внешней» стороне письма ЦРУ сочинило письмо в экзальтированном стиле, написанное женским почерком – от возбужденной западной туристки. «Дорогой дедуля, – начиналось оно. – С ума сойти! Поверить не могу. Но вот она я, в России! Спасибо, спасибо – миллион спасибо за то, что ты убедил Майки и меня включить Россию в свой маршрут. Это просто фантастика». На оборотной, «секретной» стороне

Толкачев мог, используя тайнопись, отвечать на вопросы ЦРУ и передавать любую информацию. Свой текст Толкачев записывал с помощью специальной копирки, которую ЦРУ передавало Толкачеву. Написав сообщение на секретной стороне, Толкачев должен был сложить “письмо дедуле” и отправить его обычной почтой в Америку на адрес, который выглядел невинно, но в действительности был в ведении ЦРУ. При соблюдении всех правил КГБ не увидел бы сообщения Толкачева, даже вскрыв конверт, а в ЦРУ после получения письма его смогли бы расшифровать.

Хэтэуэй также настаивал на том, чтобы выдать Толкачеву одноразовый шифроблокнот. Это таблица, в которой цифрам случайным образом соответствуют буквы и которая позволила бы Толкачеву зашифровать свое сообщение. Расшифровать его мог бы только обладатель аналогичной таблицы; такая имелась у ЦРУ. Шифроблокнот следовало использовать только один раз и затем уничтожить^[97].

1 июня 1978 года штаб-квартира одобрила план Хэтэуэя. В тайник следовало заложить инструкции по тайнописи, запросы на разведанные и оперативную записку. Это была первая реальная коммуникация ЦРУ с Толкачевым, так что между резидентурой и штаб-квартирой ходили туда-сюда черновики документов, их переписывали и шлифовали неделями. Оперативная записка начиналась так:

Наконец-то настал момент, когда мы можем поделиться с вами нашими мыслями и планами и предпринять первые шаги для установления, как мы надеемся, долгих и взаимовыгодных отношений. Прежде всего, мы очень благодарны за ваше предложение и хотим принести извинения за то, что потребовалось так много времени, чтобы ответить более определенно на ваши неоднократные и хорошо продуманные попытки установить контакт. Нам очень приятно, что вы, проявив чуткость и понимание, поняли, что требуется, чтобы убедить нас в вашей искренности. Мы глубоко уважаем вашу смелость и решимость в передаче нам необходимой информации о вас и о вашей работе, а также превосходного образца ценных и интересных материалов. Все это позволило нам приступить к планированию будущей постоянной коммуникации с вами^[98].

24 августа 1978 года материалы для Толкачева были спрятаны в бесформенной грязной рукавице, какие надевают строительные рабочие в Москве. В 9.15 вечера Гилшер сел в свою машину, немного покатался, оставил автомобиль и, захватив рукавицу, спустился в метро, чтобы в конце концов доехать до района, где жил Толкачев. Он спрятал рукавицу за телефонной будкой в переулке неподалеку от станции метро “Краснопресненская” и от дома Толкачева.

Потом Гилшер позвонил Толкачеву домой из этого телефона-автомата.

ТОЛКАЧЕВ. Алло.

ГИЛШЕР. Адольф?

ТОЛКАЧЕВ. Да.

ГИЛШЕР. Это Николай. У вас есть свободные полчаса, можете выйти из дома?

ТОЛКАЧЕВ. Да.

ГИЛШЕР. Тогда выходите, обогните здание и идите мимо одного метро справа, а другого слева, по главной улице...

ТОЛКАЧЕВ. А, вы имеете в виду Красную Пресню?

ГИЛШЕР. Да, идите до Трехгорного переулка.

ТОЛКАЧЕВ. Знаете, я тут уже давно живу, но не знаю всех улиц.

ГИЛШЕР. Это вторая улица слева или, может быть, третья. Как только повернете в Трехгорный, справа увидите телефонную будку. Я оставил для вас пакет в... перчатке за этой будкой.

ТОЛКАЧЕВ. Хорошо, я уже выхожу.

ГИЛШЕР. Надеюсь на скорый ответ, до свидания^[99].

Затем Гилшер двинулся, как он предполагал, навстречу идущему Толкачеву. Он увидел мужчину, чья внешность соответствовала описаниям Толкачева. Мужчина подошел к телефонной будке, и Гилшер быстро ретировался. В телеграмме, содержащей отчет о разговоре, он упомянул о “сложившемся у него впечатлении”, что Толкачев “был один, когда открыто говорил о том, как добраться до места”. Во время предыдущих звонков Толкачев разговаривал более осторожно.

Гилшер также отметил, что Толкачев говорил как “непрофессионал” и “определенно не как” сотрудник КГБ. Толкачев, согласно инструкциям, подал ЦРУ сигнал, что получил рабочую перчатку.

В сентябре прибыли “письма дедуле” от Толкачева. На всех трех были признаки, что их вскрывали спецслужбы, но тайнопись осталась незамеченной. Письма развеяли последние сомнения, оставшиеся в штаб-квартире. В каждом содержался зашифрованный материал, в основном технического характера, с ответами на вопросы ЦРУ, которые согласовывались как с уже имеющимися разведанными, так и с утверждениями Толкачева о том, что он имеет доступ к совершенно секретным документам. В письмах были данные о новой советской бортовой РЛС и системе наведения, о результатах испытаний новых советских бортовых радаров и о текущей ситуации с работой над системами наведения различных советских самолетов^[100].

Тайнопись и шифрование были выполнены идеально. В ЦРУ поняли, что имеют дело с организованным, скрупулезным человеком, который точно следует инструкциям, – что это искренний доброволец с огромным потенциалом.

Толкачев также сделал соблазнительное предложение: он хотел передать 91-страничный блокнот, содержащий разно образную информацию.

Приход зашифрованных писем показал, что ЦРУ успешно провело тайный обмен посланиями с агентом, но такой способ связи был достаточно громоздким, и у ЦРУ по-прежнему не было долгосрочного плана коммуникации. Хэтэуэй жаждал развивать наступление. Он хотел покончить с запретом на деятельность в Москве. Он предложил главному управлению дать согласие на личную встречу с агентом, что позволило бы ЦРУ лучше понять, на что способен агент и чего он хочет.

Хэтэуэй и Гилшер составили телеграмму, в которой предлагали повторить августовскую процедуру со звонком, но в этот раз лично встретиться с ним у телефонной будки. И попросить его принести блокнот. Встреча проходила бы на улице, Гилшер с Толкачевым прогулялись бы по направлению к Москве-реке. Удобным было то, что по вечерам в этом районе было темно и малоллюдно^[101]. 4 ноября штаб-квартира решила согласиться на предложение Хэтэуэя провести личную встречу, “главной целью которой было выяснить, кто такой “Сфера”, чего точно он хочет и как договориться об условиях, средствах и параметрах дальнейшего сотрудничества”. Тернер одобрил план 21 ноября. Фактически это был конец запрета на операции, длившегося больше года.

В ЦРУ надеялись, что в результате встречи будет налажен постоянный канал связи с Толкачевым, но перед Хэтэуэем стоял ряд трудностей. Наблюдение за Гилшером усиливалось, и его, по-видимому, нельзя было привлекать для личных встреч. Кроме того, московская резидентура хотела задать Толкачеву более подробные вопросы, с чем в штаб-квартире были согласны. Многие зависело от того, как Толкачев ответит на эти вопросы, которые каса-

лись его жизни и работы, семьи, личного пространства дома и на работе, планов на отпуск, хобби, безопасности, здоровья, наличия у него камеры и радиоприемника, доступа к засекреченным документам, описания его рабочего места, оборудования, на котором он работает, имен его начальников, журналов, к которым он имеет доступ.

Наконец резидентура была практически готова. Оставался последний шаг – уведомить посла США Малколма Туна. Послу идея не понравилась. Если встреча провалится, ситуация будет затруднительной.

Но Хэтэуэй убедил его, что это необходимо.

Глава 5 “Диссидент в душе”

В первый день нового, 1979 года Москву сковал пронизывающий холод. Окна заиндевели, автомобили не заводились, улицы практически опустели. Джон Гилшер заметил, что наблюдение КГБ практически исчезло – возможно, из-за праздника и цепящих морозов. Он решил, что настал подходящий момент. Джон и Кисса отвезли дочь Аню на день рождения в посольский комплекс. По окончании праздника, примерно в 5.30 вечера, когда на город уже спустились вечерние сумерки, они направились домой. Недалеко от дома они притормозили. Джон молча выбрался из-за руля и исчез в переулке. На нем были простое пальто и меховая шапка, в которых он выглядел как обычный российский пенсионер. Кисса поехала домой.

Гилшер сел на автобус и вышел у станции метро неподалеку от квартиры Толкачева – около того места, где в августе прятал строительную рукавицу. Он осмотрел широкую, открытую площадь и увидел, что за ним никто не следит. Его наушник, который позволял отслеживать переговоры КГБ, молчал. Гилшер подошел к телефонной будке и набрал номер Толкачева. Он представился Николаем и попросил Толкачева выйти “прямо сейчас” и принести с собой “материалы”. Через 15 минут Толкачев появился на месте встречи.

Он был аккуратно одет, ростом немного ниже Гилшера, с длинным, продолговатым лицом, слегка выступающей челюстью – несколько сурового вида – и парой золотых или серебряных зубов. Спокойный и выдержанный, Толкачев не озирался нервно по сторонам, придерживался темы беседы и четко отвечал на вопросы.

Когда Гилшер спросил, взял ли тот блокнот, Толкачев извлек его из пальто. Обычно Гилшер носил с собой портфель, но в этот раз оставил его дома, полагая, что на празднике он будет выглядеть неуместно. Он заткнул блокнот за ремень и почувствовал, как ледяной воздух закрался под одежду.

Затем он задал Толкачеву вопрос, который мучил их всех: по каким соображениям тот идет на такой огромный риск? Толкачев неохотно ответил, что это вопрос сложный и его обсуждение потребует много времени.

Гилшер продолжил попытки: почему?

Толкачев ответил только, что он “диссидент в душе”.

У него тоже был вопрос к Гилшеру. Он хотел знать, сколько Соединенные Штаты заплатили Беленко, пилоту МиГ-25, который перелетел в Японию в 1976 году. Гилшер предвидел этот вопрос. Он сказал, что не знает, сколько получил Беленко, но предложил Толкачеву за сотрудничество тысячу рублей в месяц. Толкачев попросил у Гилшера 10 тысяч рублей за уже выполненную работу. Гилшер сказал, что проблемой это не будет, и пока выдал Толкачеву одну тысячу рублей. Это была до смешного маленькая сумма, где-то три месячных зарплаты советского академического ученого средних лет, тогда как ценность даже тех разведанных, которые Толкачев уже прислал, составляла для США десятки миллионов долларов^[102]. Гилшер передал Толкачеву список из нескольких дополнительных вопросов, чтобы тот ответил на них при следующей встрече.

Гилшер предупредил Толкачева, что деньги часто становились причиной раскрытия агентов. Он напомнил, что в 1977 году в Москве арестовали двух агентов (об этом писали в газетах), и сказал, что это произошло из-за денег. Он погрешил против истины – арестованы те были по другим причинам, – но Гилшер считал, что это побудит Толкачева серьезно все обдумать. Кроме того, сказал Гилшер, в Москве, страдающей от дефицита, и так мало что можно купить. Толкачев признал этот риск и сказал, что будет вести себя осторожно и

разумно. Он заметил, что на самом деле его семья не нуждается в дополнительных деньгах. А наличие денег он может объяснить тем, что получил их в наследство от матери, которая недавно скончалась. У Гилшера сложилось четкое впечатление, что для Толкачева деньги – знак уважения, признания того, что его труд ценят.

Во время их прогулки улицы были пусты. Двое мужчин в пальто тихо беседовали, одни среди русской зимы и темноты. Они были немногословны и говорили только по делу. Гилшер, который прежде не выступал в роли куратора настоящего агента, хотел сделать все правильно. Он спросил Толкачева, нет ли у того своего кабинета на работе, в котором он мог бы фотографировать документы. Нет, ответил Толкачев, но если у него будет достаточно тихая камера, он, наверное, мог бы задерживаться в офисе по окончании рабочего дня, минут на 20–30, пока двери не будут заперты, и делать снимки. Гилшера впечатлил этот ответ: он показывал, что Толкачев понимает границы допустимого и как надо себя вести, чтобы не вызвать подозрений. Толкачев сказал, что камера избавит его от необходимости писать столько от руки. Гилшер пообещал скоро передать камеру.

Толкачев рассказал, что дома ему абсолютно негде уединиться. Телефон стоит на кухне, и на звонки часто отвечает жена или сын. Комнат всего две. Он признался, что часами ждал у телефона звонка “Николая”. Когда ему нужно было уединиться, чтобы поработать со своим 91-страничным блокнотом, он шел в Ленинку, крупнейшую публичную библиотеку Москвы, где часами сидел один, корпя над записями.

Они гуляли и разговаривали на пронизывающем морозе 40 минут. Гилшер чувствовал, что пора расставаться. Они пожали друг другу руки, и Толкачев исчез в ночи.

Гилшер поехал домой на автобусе. Блокнот был заткнут у него за поясом. Он ни слова не сказал Киссе о встрече и отправился спать, положив блокнот под матрас. На следующий день он отнес его в резидентуру. Первым же делом Гилшер отправил в штаб-квартиру телеграмму о том, что встреча состоялась без наблюдения, что он передал Толкачеву тысячу рублей и дополнительные вопросы. Гилшер писал: “Никаких нежелательных инцидентов не было. “Сфера” передал более 91 страницы, на мой взгляд, бесценных разведанных”^[103].

В следующей, более длинной телеграмме Гилшер описал встречу. Он сказал, что “весьма впечатлен хладнокровием и профессиональным поведением” Толкачева. “В день, когда обычный советский гражданин находится в той или иной степени подпития, он казался абсолютно трезвым”, – писал Гилшер. Толкачев позволил Гилшеру направлять беседу и, видимо, воспринимал его “как специалиста, кому он доверяет свою будущую безопасность”.

Вся задача Гилшера как куратора сводилась к оперативным деталям: коммуникации, встречам, планированию. “Позитивные разведанные”, информацию о советских военных РЛС и по другим вопросам, содержащуюся в блокноте Толкачева, спешно направляли напрямую в штаб-квартиру, где текст переводили и тщательно анализировали.

У штаб-квартиры немедленно возникли сомнения по поводу денег. Там были обеспокоены ситуацией, что Гилшер будет передавать агенту пачки купюр. Сказанное им Толкачеву, безусловно, было правдой: денежный поток часто побуждал шпионов вести себя беспечно, что и приводило к их провалу. 22 января Гилшер заверил штаб-квартиру, что Толкачев “прекрасно понимает” опасность, и обещал предупредить его еще раз на следующей встрече. Во время прогулки, по словам Гилшера, он поднял вопрос о возможности открыть для Толкачева депозитный счет в твердой валюте на Западе. Так было бы безопаснее, но Толкачев отверг эту возможность, пояснив, что никогда не сможет ею воспользоваться. Гилшер призывал главное управление не отказываться от передачи обещанных им 10 тысяч рублей. Им все еще предстояло завоевать доверие Толкачева. “В данный момент, как мы считаем, крайне важно соблюдать условия нашей договоренности и передать ему запрошенную сумму”, – написал он в головной офис. Быстро выдав деньги, добавлял он, “мы надеемся внушить ему полное доверие к нам, и, как только он будет уверен, что мы выполняем свои обязательства,

мы можем деликатно попробовать разрешить эту щекотливую проблему”. Гилшер предложил подождать и поднять тему снова через полгода.

Первая встреча дала всплеск бурной деятельности. Наконец-то московская резидентура вернулась к разведывательной работе. Любое действие по работе с агентурой: закладка передачи, как, например, строительной рукавицы с тайнописью внутри, телефонный звонок, оперативная записка агенту или подготовка мест встреч и подачи сигналов – требовало интенсивной подготовки со стороны резидентуры и частого обмена телеграммами со штаб-квартирой. Разработка агента предполагала уровень сосредоточенности и внимания к деталям, сопоставимый с запуском ракеты на Луну: ни резидентура, ни штаб-квартира не собирались оставлять на волю случая ничего, ни один шурупчик не должен был выпасть из гнезда. Готовились фотографии и карты каждого места, планировались маршруты для ухода от слежки, составлялись сценарии и проводились репетиции, снова и снова задавался вопрос: что может пойти не так?

Гилшер должен был выступать от имени агента в переписке со штаб-квартирой, стать его другом и доверенным лицом, его советником и защитником, обеспечить его подготовку, снабжать его техникой, деньгами и обратной связью; а также стать полномочным представителем ЦРУ и Соединенных Штатов в глазах человека, который никогда не бывал в Америке, – притом человека, которого он практически не знал. Каждый оперативник, работая, держит в уме, что стопроцентно понятных агентов не бывает. Что они могут вести себя непредсказуемо и часто выходят из-под контроля кураторов.

Следующим делом Гилшера стала подготовка личного письма для февральской передачи Толкачеву. Он составил письмо так, чтобы в нем не было никаких двусмысленностей. Гилшер перевозносил “надежность и спокойствие” Толкачева, выражал уверенность, что тот “всегда будет действовать разумно”, что можно будет полагаться на его “следование инструкции” при коммуникациях и что он “спокойно исполнит выбранную им роль”.

Затем Гилшер переключился на роль тренера, отметив, что Толкачев должен стремиться “не привлекать внимания никаким образом”. Он объяснял: “На улице следует выглядеть и вести себя как обычный обыватель; на работе не проявлять слишком большого интереса к делам других, не запрашивать из первого отдела документы, которые не имеют отношения к вашей работе, и не работать слишком часто допоздна, то есть не оставаться в лаборатории в одиночестве”. Первый отдел в советских исследовательских институтах был местом хранения совершенно секретной документации, а также играл роль службы безопасности, наблюдавшей за работниками и контролировавшей допуск к секретным материалам. Гилшер также указывал: “В вашей личной жизни важно выстроить такой режим, который сможет быть прикрытием для наших контактов и не вызовет подозрений дома. Главное, необходимо действовать спокойно и без спешки”.

Гилшер призвал Толкачева делиться с ним “в любое время любыми мыслями, которые он не может обсуждать с женой и друзьями”. Он настоятельно советовал шпиону высказывать прямо то, что его беспокоит. Письмо он закончил словами: “Жму руку, Николай”^[104].

17 февраля 1979 года Гилшер избавился от хвоста КГБ и заложил передачу для Толкачева в тайник. Посылку снова спрятали в грязной строительной рукавице. В этот раз в ней была одна миниатюрная камера “Молли”, экспонометр, пленка, инструкция к камере, оперативная записка, личное письмо от Гилшера, аналитическая оценка из штаб-квартиры ЦРУ, дальнейшие “запросы” от ЦРУ, план коммуникаций и 5 тысяч рублей – половина того, что Толкачев запросил за уже проделанную работу.

Формулировки ЦРУ были ободряющими, но слишком общими. В анализе говорилось, что сообщения тайнописью были подготовлены “технически прекрасно”, а информация “получила одобрение”. Январский блокнот с 91 страницей текста демонстрировал “кропот-

ливые усилия и самоотдачу”, и ЦРУ было “весьма впечатлено”. Но конкретных деталей в этой оценке не было, кроме одной.

Перед Толкачевым поставили очень конкретную задачу: получить любую доступную ему информацию о радаре под названием РП-23. Она будет представлять “огромнейшую ценность”.

В марте из московской резидентуры в штаб-квартиру пришла телеграмма, где сообщалось, что теперь Толкачев “полностью включился в работу”. Однако на самом деле агент ЦРУ и его куратор все еще притирались друг к другу.

Гилшер проинструктировал Толкачева, как подтверждать незапланированные встречи. По плану, ЦРУ обеспечивало Толкачева списком мест для быстрой встречи поблизости от его дома. Каждое из них получало кодовое русское название, например “Ниночка”. Согласно плану, Гилшеру следовало позвонить на домашний номер Толкачева и спросить “Ниночку” – это означало, что ему назначают встречу в этом месте. Если у Толкачева была возможность без промедления явиться туда, он должен был сказать, что звонящий, видимо, ошибся номером, повесить трубку и выйти на улицу.

Однако когда Гилшер сделал первый такой звонок (это было в феврале) и попросил к телефону “Ниночку”, Толкачев допустил ошибку. “Это Николай звонит?” – спросил он.

Это был неправильный ответ. Гилшер повесил трубку^[105].

Гилшер сделал еще одну попытку вечером 4 апреля и попросил позвать “Валерия”. В этот раз все сработало. Толкачев быстро вышел, они встретились на 15 минут в месте под кодовым названием “Валерий” и обменялись пакетами. Толкачев передал Гилшеру 5 кассет экспонированной пленки с малоформатной камеры “Молли”, по 80 кадров каждая, 56 рукописных страниц, в том числе длинное письмо для ЦРУ, и 4 рисунка^[106].

Семь дней спустя штаб-квартира дала понять Хэтэуэю и Гилшеру, что материалы из блокнота Толкачева впечатляют. “Вам будет интересно узнать, – говорилось в телеграмме, – что материал январской передачи” преобразован в “документ более 100 страниц длиной”, что “первую реакцию ВВС можно назвать восторженной и материал, очевидно, произвел значительное впечатление”. Действительно, январский блокнот дал богатый урожай. Толкачев подробно описал секретную работу, в которой участвовал, а также привел точные формулы, диаграммы, изображения и спецификации систем вооружений и электроники. Он от руки скопировал совершенно секретные документы с указаниями о разработке новых типов самолетов, еще не известных на Западе, вроде перспективного истребителя Су-27. Он тщательно зарисовал на больших листах миллиметровки различные диаграммы. Каждый документ был переписан аккуратно, можно было разобрать каждое слово. В блокноте содержались важнейшие подробности о конструкции самолетов, об их скорости, радиочастотах, вооружении, электронике, бортовых РЛС – планы, которые тогда все еще находились на чертежных досках, наброски самолетов, которые должны были отправиться в полет лишь десятилетие спустя^[107].

Обе встречи Гилшера с Толкачевым были результативными, но во время них не было времени для свободного разговора, в котором стали бы лучше понятны мотивы или образ мысли Толкачева. Гилшер жаждал знать больше. Длинное письмо, которое Толкачев передал 4 апреля, соблазнительно характеризовало его как сильного и целеустремленного человека, который рассчитывает на долгую перспективу. В письме Толкачев изложил план работы на Соединенные Штаты в течение 12 лет, в семь этапов. Он описал, какие материалы предоставит и когда именно. Это был необычайный проект, заявление о серьезности намерений. Толкачев писал, что его цель – нанести Советскому Союзу как можно более серьезный ущерб. “Я выбрал курс, который не позволяет мне отступить назад, и у меня нет намерений

сворачивать с этого курса, – писал он. – Поскольку я поставил себе задачу передать максимальное количество информации, я не намерен останавливаться на полпути»^[108].

Другим ключом к личности Толкачева, с точки зрения Гилшера, были его упрямые и неотступные попытки установить контакт с американцем, о которых он теперь рассказал в некоторых подробностях в длинном письме в ЦРУ. «Идея передать записку у машины или в машине пришла не сразу, – писал он. – Сначала я пытался выяснить, возможно ли наладить связь на выставках, в которых участвуют Соединенные Штаты. Это оказалось трудно, поскольку выставки проходят относительно редко и на них всегда присутствует много людей». Тогда он в одиночку стал бродить по Москве. Он заметил автомобиль с номером D-04–526; цифры 04 показывали, что машина принадлежит американцам. Он решил установить контакт, просунув записку через открытое окно машины или поговорив с водителем. «Сначала, – вспоминал Толкачев, – я наивно полагал, что необходимо лишь выбрать подходящий момент, подойти к машине, попросить о разговоре и меня примут с распростертыми объятиями». Он писал: «Я начал искать место, где можно подойти к автомобилю. Так начались мои целенаправленные прогулки по улицам Москвы и по Девятинскому переулку, которые продолжались много дней и много часов». Девятинский переулок – это та самая маленькая улица сбоку от посольского комплекса, где Толкачев подошел к Хэтэуэю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Переписка автора с Уильямом Планкертом, 28 марта 2014 года; резидентура – штабквартире, 8 декабря 1982. 081335Z.

2.

ROYDEN B. G. Tolkachev, a Worthy Successor to Penkovsky // *Studies in Intelligence*. 2003. Vol. 47. № 3. P. 22. Также см.: WALLACE R., MELTON H. K. (with Schlesinger H. R.). *Spycraft: The Secret History of the CIA's Spyspechs from Communism to al-Qaeda*. New York: Dutton, 2008. Pp. 130–131.

3.

WOHLSTETTER R. Pearl Harbor: Warning and Decision. Stanford: Stanford University Press, 1962. Pp. 48–49. Также: Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. *Investigation of the Pearl Harbor Attack*. U. S. Senate. 79th Congress. 2nd session. 1946. July 20. № 244. Pp. 257–258. Трумэн в воспоминаниях писал, что “часто думал: если бы в правительстве существовал хоть какой-то обмен информацией, японцам было бы трудно, если вообще возможно, успешно атаковать Перл-Харбор”. TRUMAN H. S. *Memoirs*. Vol. 2. *Years of Trial and Hope*. Garden City, New York: Doubleday, 1956. P 56.

4.

KUHNS W. J., ed. *Assessing the Soviet Threat: The Early Cold War Years*. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, CIA, 1997. Pp. 1, 3.

5.

Управление сместило лидеров Ирана и Гватемалы, провело неудачную высадку в заливе Свиней, предупредило о советских ракетах на Кубе, было глубоко вовлечено в войну во Вьетнаме и руководило полномасштабной сухопутной войной в Лаосе. U. S. Senate. *Final Report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities*. Bk. 1. Foreign and Military Intelligence. Pt. 6. *History of the Central Intelligence Agency*. 94th Congress. 2nd session. 1976. April 26. Report 94-755, 109.

6.

VOLKOGONOV D. *Stalin: Triumph and Tragedy*. Trans. Shukman H. London: Weidenfeld & Nicolson, 1991. Pp. 502–524.

7.

MURPHY D. E., KONDRASHEV S. A., BAILEY G. *Battleground Berlin: CIA vs. KGB in the Cold War*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997. P. ix.

8.

Report on the Covert Activities of the Central Intelligence Agency. Special Study Group, Doolittle J. H., chairman. Washington, D.C., 1954. Sept. 30. P. 7.

9.

HELMS R. (with Hood W). *A Look over My Shoulder: A Life in the Central Intelligence Agency*. New York: Random House, 2003. P. 124.

10.

EVAN TH. *The Very Best Men: The Daring Early Years of the CIA*. New York: Simon & Schuster, 1995. Pp. 25, 30, 36, 142–152. Также: U. S. Senate. *Final Report*. pt. 6. *History of the Central Intelligence Agency*; IMMERMANN R. *A Brief History of the CIA* // In: Theoharis A. et al., eds. *The Central Intelligence Agency: Security Under Scrutiny*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2006. P. 21.

11.

HELMS, *A Look over My Shoulder*, pp. 124, 127.

12.

HAINES G. K., LEGGETT R. E., eds. *CIA's Analysis of the Soviet Union, 1947–1991: A Documentary Collection*. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 2001. Pp. 35–41.

13.

KUHNS, p. 12.

14.

Интервью Ричарда Хелмса Роберту Хэтэуэю 30 мая 1984 года, рассекреченное ЦРУ в 2004 году. Хэтэуэй – соавтор внутренней монографии о Хелмсе на посту директора.

15.

Рассказ о деле Попова основан на пяти источниках. Книга Уильяма Худа (HOOD W. *Mole: The True Story of the First Russian Intelligence Officer Recruited by the CIA*. New York: W W Norton, 1982) весьма информативна. Худ был в то время оперативником в Вене, но некоторые детали в его рассказе туманны. Книга Кларенса Эшли (ASHLEY C. *CIA Spymaster*. Gretna, La.: Pelican, 2004) основана на интервью с Джорджем Кизевальтером, а ее автор – бывший аналитик ЦРУ. В книге Джона Лаймонда Харта (HART J. L. *The CIA's Russians*. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 2003) есть глава о Попове. Дополнительные сведения приводятся в книге Мерфи, Кондрашева и Бейли *Battleground Berlin*. Наконец, о примерах позитивных разведанных и их значении говорится в монографии и сборнике документов Джоан Берд и Джона Берда (BIRD J., BIRD J. *CIA Analysis of the Warsaw Pact Forces: The Importance of Clandestine Reporting*. Central Intelligence Agency, Historical Review Program, 2013). О журнале для фермеров см.: HOOD, *Mole*, p. 123.

16.

Доклады разведки, основанные на сообщениях Попова, приводятся по: BIRD and BIRD, *CIA Analysis*.

17.

Это был Эдвард Эллис Смит, которому было тогда 32 года и который во время Второй мировой войны служил в Москве в ведомстве военного атташе. Затем он приехал в Москву под прикрытием, в должности мелкого чиновника Госдепартамента. Попов считал выбранные им места для тайников неудовлетворительными. См.: SMITH R. H. *The First Moscow Station: An Espionage Footnote to Cold War History* // *International Journal of Intelligence and Counterintelligence*. 1989. Vol. 3. № 3. Pp. 333–446. Эта статья основана на интервью с Эдвардом Смитом, погибшим в автомобильной аварии в 1982 году, и на его статьях. Есть разные, противоречащие друг другу, версии о роли Смита в деле Попова и о том, передавал ли Попов ЦРУ полезные сведения, будучи в Москве. По версии Худа в книге *Mole...*, ЦРУ решило вовсе не работать с Поповым в Москве ввиду рискованности этой затеи.

Напротив, Ричард Харрис Смит говорит, что Попов, будучи в Москве, доложил ЦРУ о самом значительном политическом событии десятилетия – секретном выступлении Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года, в котором тот осудил культ личности Сталина. Эшли утверждает, что Смит ни разу не встречался с Поповым. Это, впрочем, не означает, что операции не проводилось: если он просто использовал тайники, нужды во встрече не было. У Смита был роман с русской горничной, которая работала на КГБ и тайно фотографировала его. Сотрудники КГБ затем предъявили Смицу фотографии и пытались его шантажировать, чтобы склонить к работе на них. Смит отказался и признался во всем послу США Чарльзу “Чипу” Болену. После этого в июле 1956 года Смита отозвали в штаб-квартиру и уволили из ЦРУ.

18.

См.: SCHECTER J. L., DERIABIN P. S. *The Spy Who Saved the World: How a Soviet Colonel Changed the Course of the Cold War*. New York: Scribner’s, 1992. Это самая обстоятельная работа о Пеньковском, основанная на документах ЦРУ. Также: HELMS R. *Essential Facts of the Penkovskiy Case* (докладная записка директору ЦРУ, 31 мая 1963 года); PENKOVSKIY O. *The Penkovskiy Papers*. New York: Doubleday, 1965. Эта книга посвящена главным образом встречам Пеньковского с англо-американской командой. Также имеется более свежая книга: CORERA G. *The Art of Betrayal: The Secret History of MI6*. New York: Pegasus Books, 2012. Pp. 135–183. Также: McCoy L. *The Penkovskiy Case // Studies in Intelligence, CIA* (дата неизвестна, рассекречено 10 сентября 2014 года) и *Reflections on Handling Penkovsky // Studies in Intelligence, CIA* (автор и дата неизвестны, рассекречено 3 сентября 2014 года). Рассекреченные документы ЦРУ доступны на сайте www.foia.cia.gov, а документы более чем 25-летней давности – в программе CREST, электронной системе поиска по материалам ЦРУ, хранящимся в Национальном архиве в Колледж-парке, штат Мэриленд.

19.

Сотрудник под кодовым именем “Компас” прибыл в Москву в октябре 1960 года. Его прикрытием была должность коменданта – более звучное наименование швейцара в “Америка-хаусе”, общежитии морских пехотинцев, служивших охранниками в посольстве США, и других работников. “Компас” был неопытным сотрудником, и ему приходилось трудно. В письме в штаб-квартиру он предложил, чтобы потенциальный новый агент перебрасывал посылки с конфиденциальными разведданными через четырехметровую стену “Америка-хауса” по ночам, а связной ждал на другой стороне и ловил их, – странное предложение, учитывая, что здание находилось под наблюдением КГБ. “Компас” не мог найти других мест для тайников в Москве и жаловался на разнообразные невзгоды. В течение двух месяцев после прибытия он не смог установить контакт с Пеньковским. Наконец 5 февраля 1961 года он попытался поговорить с Пеньковским по домашнему телефону. Было утро воскресенья. Он должен был позвонить в 10.00 и говорить по-русски, а позвонил в 11.00 и заговорил по-английски. Пеньковский слабо владел английским и никогда не пользовался им дома; он сказал собеседнику, что ничего не понял, и повесил трубку. Вся затея с “Компасом” оказалась тупиковой.

20.

HART, *The CIA’s Russians*, pp. 59–60.

21.

MCCOY, *Penkovskiy Case*, p. 3.

22.

Там же, р. 5.

23.

См.: ANDREW CH. Intelligence and Conspiracy Theory: The Case of James Angleton in Long-Term Perspective (выступление в Вашингтоне 29 марта 2012 года на конференции, организованной при поддержке Центра Вудро Вильсона и Центра исследований безопасности Джорджтаунского университета). Маккой считает, что в сентябре-октябре 1962 года советские руководители были потрясены арестом Пеньковского, поскольку не знали, что именно он передал Соединенным Штатам. Маккой пишет, что арест, возможно, подорвал уверенность Хрущева в его противостоянии президенту Кеннеди. “Время ареста Пеньковского сыграло на руку Кеннеди”, – пишет он (MCCOY, Penkovskiy Case, p. 11).

24.

Пеньковский вращался в высших московских военных кругах, в том числе он знал семью генерала Ивана Серова, который сначала был председателем КГБ, а потом возглавил ГРУ. Это позволило Западу составить представление об образе мышления советского военного руководства.

25.

См.: SCHECTER, DERIABIN, Spy Who Saved the World, p. 147. Примеры позитивных разведанных, предоставленных Пеньковским, см.: BIRD and BIRD, CIA Analysis, pp. 13–28, и сопутствующий сборник документов. Маккой подробно описывает позитивные разведанные, полученные в ходе операции. Более скептическая оценка вклада Пеньковского в Карибский кризис приводится в статье: SCOTT L. Espionage and the Cold War: Oleg Penkovsky and the Cuban Missile Crisis // Intelligence and National Security. 1999. Vol. 14. № 3. Pp. 23–47.

26.

Неизвестный автор. Reflections on Handling Penkovsky // Studies in Intelligence, CIA. P 53. (дата неизвестна, рассекречено ЦРУ 3 сентября 2014 года). Этот текст составил оперативник ЦРУ, приехавший в июне 1962 года.

27.

MELTON W. Spycraft, pp. 36–39.

28.

Неизвестный автор, Reflections, p. 57; MCCOY, Penkovsky Case, p. 9.

29.

Винна приговорили к восьми годам заключения, но освободили в ходе обмена разведчиками в 1964 году.

30.

По поводу Энглттона написано немало. Здесь автор опирался на следующие работы: MANGOLD T. Cold Warrior: James Jesus Angleton: The CIA's Master Spy Hunter. New York: Simon & Schuster, 1991; MARTIN D. C. Wilderness of Mirrors. New York: Harper & Row, 1980; ROBARGE D. Cunning Passages, Contrived Corridors: Wandering in the Angletonian Wilderness // Studies in Intelligence. 2010. Vol. 53. № 4; ROYDEN B. G.

James J. Angleton, Anatoliy Golitsyn, and the 'Monster Plot': Their Impact on CIA Personnel and Operations // *Studies in Intelligence*. 2011. Vol. 55. № 4 (получено через Архив национальной безопасности в Вашингтоне). Также: *Moles, Defectors, and Deceptions: James Angleton and His Influence on U. S. Counterintelligence* (сообщение 29 марта 2012 года в Вашингтоне на конференции, организованной при поддержке Центра Вудро Вильсона и Центра исследований безопасности Джорджтаунского университета). Также: HATHAWAY R. M., SMITH R. J. *Richard Helms as Director of Central Intelligence*. Center for the Study of Intelligence, CIA. 1993. P. 103.

31.

GATES R. M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Schuster, 1996. P. 34. Также: ROBARGE, Cuning Passages.

32.

Интервью автора с Бертоном Гербером, 25 октября 2012 года.

33.

Хотя операция в туннеле была с самого начала раскрыта Джорджем Блейком, агентом КГБ в британской разведке, советские власти, вероятно, позволили ей продолжаться, прежде всего желая защитить свой источник. Официальная версия операции в туннеле представлена в работе: *The Berlin Tunnel Operation, 1952–1956. Clandestine Services History // Historical Paper*. 1968. June 24. № 150, отчасти рассекречена ЦРУ в 2012 году. Приводится как документ № 001–034 (глава 1) в сборнике документов, приложении к работе *Bird and Bird, CIA Analysis*. Ранее, согласно некоторым версиям, считалось, что данные, полученные в туннеле, были смешаны с дезинформацией. Но в авторитетной работе Мерфи, Кондрашева и Бейли (*Battleground Berlin*) утверждается, что операция “в действительности дала значительный объем крайне необходимых и трудно извлекаемых военных данных” в то время, когда такие материалы были еще не доступны из таких источников, как фотосъемка со спутника и с самолетов U-2. Авторы также пишут, что у КГБ был собственный защищенный канал коммуникаций, а военные и ГРУ использовали линии, прослушиваемые Западом.

34.

APPLEBAUM A. *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956*. New York: Doubleday, 2012. Pp. 64–87. Робардж (Cuning Passages) говорит, что, “заиклившись на Советах”, Энглтон “по большей части игнорировал” других противников, в том числе спецслужбы ГДР и Чехословакии.

35.

Переписка автора с Хэвилендом Смитом, 5 июня 2013 года. Новаторские идеи Смита и их влияние хорошо описаны в книге: WEISER B. *A Secret Life: The Polish Officer, His Covert Mission, and the Price He Paid to Save His Country*. New York: Public Affairs, 2004. Pp. 74–78.

36.

Интервью автора с Дэвидом Форденом, 6 февраля 2013 года.

37.

BERKOWITZ B. *The Soviet Target – Highlights in the Intelligence Value of Gambit and Hexagon, 1963–1984 // National Reconnaissance: Journal of the Discipline and Practice*. 2012. № 2012-UI.

Рр. 110–112. По большей части эти новации были реакцией на недостаток хороших агентов в Советском Союзе. Для оценки вероятности внезапного нападения президент Эйзенхауэр в 1954 году учредил комиссию под руководством Джеймса Киллиана из Массачусетского технологического института. Комиссия пришла к выводу: “Мы должны найти способы увеличить количество надежных фактов, на которых строится анализ нашей разведки, чтобы составлять более качественный стратегический прогноз... мы рекомендуем принять действенную программу по широкому использованию самых передовых достижений в области науки и технологии для разведывательных целей”. См.: National Security Policy, doc. 9. Report by the Technological Capabilities Panel of the Science Advisory Committee. Feb. 14, 1955 // In: Foreign Relations of the United States, 1955–1957. Vol. XIX. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1990.

38.

BRABOURNE M. L. More on the Recruitment of Soviets // Studies in Intelligence. 1965. Vol. 9 (Winter). Pp. 39–60.

39.

REDMOND P. Espionage and Counterintelligence. Секция 3 на конференции U. S. Intelligence and the End of the Cold War (в Школе управления и государственной службы имени Буша Техасского университета A&M, 18–20 ноября 1999 года).

40.

POST J. M. The Anatomy of Treason // Studies in Intelligence. 1975. Vol. 19. № 2. Pp. 35–37. Более поздняя работа: MARBES W Psychology of Treason // Studies in Intelligence. 1986. Vol. 30. № 2. Pp. 1–11.

41.

BEARDEN M., RISEN J. The Main Enemy: The Inside Story of the CIA’s Final Showdown with the KGB. New York: Random House, 2003. Pp. 22–24. В этой работе обсуждаются исследование Гербера и его заключения.

42.

Там же, pp. 23–24. По поводу Бли см.: WEISER, Secret Life, pp. 7–9.

43.

WALLACE AND MELTON, Spycraft, pp. 87-102.

44.

Там же, pp. 87–96. Уоллес – бывший директор управления технического обслуживания ЦРУ.

45.

PETERSON M. The Widow Spy: My CIA Journey from the Jungles of Laos to Prison in Moscow. Wilmington, NC: Red Canary Press, 2012. Так же: FULTON B. Reflections on a Life: From California to China. Bloomington, Ind.: Authorhouse, 2008. P 61.

46.

Интервью автора с Мартой Питерсон, 12 октября 2012 года, а также: PETERSON, Widow Spy.

47.

FULTON, Reflections, pp. 72–76.

48.

PETERSON, *Widow Spy*, p. 174, а также интервью с ней.

49.

Интервью автора с Робертом Фултоном, 12 мая 2012 года. Также: телеграмма о встрече на бензоколонке 12 января 1977 года (резидентура – штаб-квартире, 13 января 1977, 131150Z); FULTON, Reflections.

50.

ROYDEN, *Tolkachev*, pp. 5-33. Это несекретная версия более объемной засекреченной монографии об этом деле.

51.

Там же, р. 6. Ройден сообщает, что ЦРУ планировало на следующие несколько месяцев несколько других операций и не хотело ставить их под угрозу; более того, новая администрация президента Джимми Картера собиралась отправить в Москву госсекретаря Сайруса Вэнса на переговоры о контроле над вооружениями и не хотела, чтобы этому помешали шпионские потасовки.

52.

Резидентура – штаб-квартире, 18 февраля 1977, 181010Z.

53.

ROYDEN, *Tolkachev*, pp. 6–7; FULTON, Reflections, p. 79.

54.

Интервью автора с Джеймсом Олсоном, 2 ноября 2012 года.

55.

PETERSON, *Widow Spy*, pp. 241–242.

56.

После арестов и высылки Питерсон ЦРУ провело анализ причин, по которым могли раскрыть Огородника, а также агента, попавшегося несколько месяцев спустя. Сотрудник управления Дьюэйн Клэрридж, который участвовал в этой работе, сообщает о заключении комиссии: «К провалу агентов привели их собственные действия». См.: CLARRIDGE, *A Spy for All Seasons: My Life in the CIA*. New York: Scribner, 1997. Pp. 167–168. Позднее стало известно, что Огородника предал Карл Кехер, чех, который приехал в Соединенные Штаты в 1965 году вместе с женой и утверждал, что бежит от коммунистической власти, но в действительности работал на чешскую разведку и КГБ. Кехер поступил в Колумбийский университет и получил работу переводчика в ЦРУ. В рамках контракта он получал на перевод расшифровки телефонных прослушек. Некоторые из этих разговоров указывали на то, что у ЦРУ есть источник – советский дипломат в Боготе. Получив эту информацию, КГБ начал охоту, которая в конце концов привела к Огороднику. Его арестовали, вероятно, в начале лета, до того, как Питерсон попала в засаду на мосту. См.: PETERSON, *Widow Spy*, p. 241. Кехера арестовали в 1984 году (в 1986 году его вместе с женой и еще семью агентами обменяли на заключенных из СССР, в том числе диссидента Анатолия Щаранского). Кехера приговорили

к пожизненному заключению, которое сократили до отбытого срока при условии, что он согласится на участие в обмене и никогда больше не вернется в США.

57.

MASON J. T., JR. *The Reminiscences of Admiral Stansfield Turner, U.S. Navy (Retired)*. Annapolis, Md.: U. S. Naval Institute, 2011. Это сборник, составленный из 20 интервью с Тернером, любезно предоставленный Военно-морским институтом США.

58.

JOHNSON L. K. *A Season of Inquiry: Congress and Intelligence*. Chicago: Dorsey Press, 1988.

59.

В книге Джона Рэнели (*The Agency: The Rise and Decline of the CIA*. New York: Simon & Schuster, 1987. P 234) сообщается, что Картер предлагал эту должность генералу Бернарду Роджерсу, но тот отказался и рекомендовал вместо себя Тернера.

60.

Обращение Стэнсфилда Тернера к выпускникам 1947 года Военно-морской академии США, 13 ноября 1980 года, Вашингтон. Также: TURNER ST. *Secrecy and Democracy: The CIA in Transition*. Boston: Houghton Mifflin, 1985. P 15, и MASON, *Reminiscences*, pp. 744–748. О взглядах Картера см.: RANELEAGH, *Agency*, pp. 634–635.

61.

Подробности спутниковых программ см.: ODER F. C.E., FITZPATRICK J. C, WORTHMAN P. E. *The Gambit Story*. Chantilly, Va.: Center for the Study of National Reconnaissance, 2012, и CHESTER R. J. *A History of the Hexagon Program: The Perkin-Elmer Involvement*. Chantilly, Va.: Center for the Study of National Reconnaissance, 2012. Также: TURNER ST. *Burn Before Reading: Presidents, CIA Directors, and Secret Intelligence*. New York: Hyperion, 2005. P 161.

62.

Требование Тернера применять этот аналитический подход к оценке военной мощи было весьма необычным и спровоцировало крупный спор вокруг доклада национальной разведки 1980 года. См.: HAINES G. K., LEGGETT R. E. *Watching the Bear: Essays on CIA's Analysis of the Soviet Union*. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 2003. P 169.

63.

GATES, *From the Shadows*, p. 138.

64.

Через месяц после прихода на новую должность Тернер попросил Уильямса провести “тщательный разбор” работы подразделения, занимавшегося шпионажем. Тернер вспоминает, что Уильямс доложил, что работа ведется основательно и в соответствии с этическими нормами, о чем он сообщил Картеру. См.: TURNER, *Secrecy and Democracy*, p. 197. Однако к Уильямсу в подразделении отнеслись настороженно из-за его вопросов личного характера, рассказывали автору сотрудники ЦРУ. Уильямс работал с Тернером в Военно-морском колледже.

65.

Тернер говорил: “Слишком много старожилов держатся за свои места”. В 1976 году директорат провел собственное исследование, предложив сократить 1350 должностей в течение пяти лет, но Буш ничего не предпринял. Тернер сократил 820 должностей за два года; 17 человек было уволено, 147 заставили досрочно уйти на пенсию, остальные ставки были сокращены, когда служащие переходили на другую работу. Решение было принято в августе 1977 года, но уведомления о сокращениях были розданы 31 октября 1977 года – этот день стал известен как “резня на Хэллоуин”. Сокращаемым сотрудникам разослали резкое письмо, состоявшее из двух абзацев, что, как потом признал Тернер, было “чересчур”. См.: TURNER, *Secrecy and Democracy*, pp. 195–205.

66.

Переписка автора с Джеком Мэтлоком, 2 декабря 2012 года; интервью автора с Диком Комбсом, 27 сентября 2013 года; переписка автора с Джеймсом Шумейкером, 23 сентября 2013 года и пост в блоге *Personal Recollections of the Moscow Fire* на сайте *MoscowVeteran.org*. Шумейкер был помощником посла по особым поручениям. Хэтэуэй получил от ЦРУ награду – звезду “За заслуги в разведке” – за свои действия по защите московской резидентуры.

67.

BEARDEN, *RISEN, Main Enemy*, p. 26.

68.

GRIMES S., VERTEFEUILLE J. *Circle of Treason: A CIA Account of Traitor Aldrich Ames and the Men He Betrayed*. Annapolis, Md.: Naval Institute Press, 2012. P 59. Авторы долгое время были сотрудниками “советского” отдела ЦРУ.

69.

Интервью автора с Гарднером “Гасом” Хэтэуэем, 10 июня 2011 года.

70.

У дела Кулака сложная история, затрагивающая как ФБР, так и ЦРУ При Эдгаре Гувере ФБР считало его подлинным агентом, тогда как ЦРУ под влиянием Энглтона в нем сомневалось. Все поменялось, когда Энглтона отправили в отставку, а Гувер умер. Теперь ФБР усомнилось, стоит ли доверять Кулаку. Согласно источнику, обладающему достоверной информацией, подозрения возникли из-за некоторых странных замечаний, что он сделал в телефонном разговоре между Нью-Йорком и Вашингтоном по линии, которую прослушивало ФБР. Тем временем ЦРУ исследовало его дело и пришло к выводу, что Кулак – настоящий агент и с ним можно работать в Москве. Граймс была одной из тех, кто проводил это исследование. См.: Grimes and Vertefeuille, *Circle of Treason*, pp. 55–57.

71.

Там же, p. 55–61.

72.

Foxbat/Lt. Belenko Update, документ от 12 октября 1976 года, предоставленный автору боевым авиационным командованием управления ВВС 25 августа 2014 года; *Pacific Air Forces. History of the 475th Air Base Wing, CNO (AR) 7101. 1976 Vol. III, 1 July – 31 Dec.* P. 316, документ предоставлен автору 12 июня 2014 года. Оба материала предоставлены в соответствии с Законом о свободном доступе к информации.

73.

Интервью автора с Хэтэуэем, 10 июня 2011 года.

74.

Evaluation of Information Provided by CKSPHERE. Меморандум ЦРУ от 29 декабря 1977 года.

75.

Резидентура – штаб-квартире, 3 января 1978, 031450Z.

76.

Там же.

77.

Меморандум для директора национальной разведки. ЦРУ, 3 января 1978 года.

78.

Интервью автора с Хэтэуэем, 10 июня 2011 года.

79.

ROYDEN, Tolkachev, p. 8.

80.

Резидентура – штаб-квартире, 2 марта 1978, 021500Z.

81.

ROYDEN, Tolkachev, p. 8.

82.

GUILSHER SOLDATENOV N. Our Family History, неопубликованный текст, предоставленный автору Кэтрин Гилшер 5 апреля 2013 го да.

83.

Интервью автора с Кэтрин Гилшер, 30 марта 2011 года и 5 апреля 2013 года.

84.

Президент Рональд Рейган в феврале 1984 года одобрил операцию “Стрелок” по изъятию из эксплуатации пишущих машинок с подслушивающими устройствами; операция была проведена Агентством национальной безопасности. См.: MANEKI SH. Learning from the Enemy: The GUNMAN Project // United States Cryptologic History. Center for Cryptologic History, National Security Agency. 2009. Series VI. Vol. 13. Два источника в ЦРУ утверждали, что машинки использовались дипломатами, а не московской резидентурой.

85.

Галину часто называют полковником КГБ, но один источник рассказал автору, что она была лишь информатором и, вероятно, не имела звания.

86.

Интервью автора с Кэтрин Гилшер, 30 марта 2011 года.

87.

Резидентура – штаб-квартире, 6 марта 1978, 060835Z. В телеграмме Гилшера, отправленной на следующее утро, был подробно изложен разговор.

88.

Книга, вызвавшая тревогу: EPSTEIN E. J. Legend: The Secret World of Lee Harvey Oswald. New York: Reader's Digest Press, 1978. Pp. 20, 263. Утечка описывается в книге: GRIMES, VERTEFEUILLE, Circle of Treason, p. 61.

89.

Интервью автора с Хэтэуэем, 28 августа 2013 года; GRIMES and VERTEFEUILLE, Circle of Treason, pp. 60–62. Кулак не был раскрыт и позже умер от сердечного приступа.

90.

Интервью автора с Хэтэуэем, 28 августа 2013 года; ROYDEN, Tolkachev, p. 9.

91.

Резидентура – штаб-квартире, 21 марта 1978, 210817Z.

92.

Резидентура – штаб-квартире, 21 марта 1978, 211350Z.

93.

Штаб-квартира – резидентуре, 24 марта 1978, 242036Z.

94.

Резидентура – штаб-квартире, 11 апреля 1978, 111215Z.

95.

ROYDEN, Tolkachev, p. 10.

96.

Штаб-квартира – резидентуре, 17 мая 1978, 170214Z.

97.

ROYDEN, Tolkachev, p. 9.

98.

Штаб-квартира – резидентуре, 13 июня 1978, 13000Z.

99.

Резидентура – штаб-квартире, 25 августа 1978, 251205Z.

100.

ROYDEN, Tolkachev, p. 9.

101.

Резидентура – штаб-квартире, 1 ноября 1978, 011315Z.

102.

Невозможно определить адекватный эквивалент этой суммы в долларах. Хотя официальный обменный курс составлял 60 копеек за доллар, советский рубль не был свободно конвертируемой валютой, и Толкачев не мог пользоваться долларами. Ценность рублей определялась исключительно тем, что на них можно было купить в советской экономике. Тысяча рублей была примерно втрое выше месячной зарплаты Толкачева.

103.

Резидентура – штаб-квартире, 2 января 1979, 020805Z, и более длинная телеграмма от 2 января 1979, 021403Z. Также интервью автора с Кэтрин Гилшер, 30 марта 2011 года.

104.

Черновик оперативной записки московской резидентуры агенту, без названия и даты, в собрании документов по делу Толкачева в ЦРУ.

105.

Резидентура – штаб-квартире, 2 марта 1979, 021410Z, где содержится черновик оперативной записки Гилшера для следующей встречи.

106.

Резидентура – штаб-квартире, 5 апреля 1979, 050859Z.

107.

ROYDEN, Tolkachev, pp. 9-10, а также данные конфиденциального источника.

108.

Резидентура – штаб-квартире, 26 апреля 1979, 261013Z, и 30 апреля 1979, 301033Z.